

“КАКОЙ СЕКРЕТ ХРАНИТ
ПРОСТАЯ ДЕРЕВНЯ”

Возраст дожития

ОЛЬГА ОЛУШЕВА

Любовь случается. Семейные истории

Ольга Олушева

Возраст дожития

«ЭКСМО»

2021

Олушева О.

Возраст дожития / О. Олушева — «Эксмо», 2021 — (Любовь случается. Семейные истории)

ISBN 978-5-04-121608-5

Жители деревни Завидово становятся свидетелями череды странных убийств. Жертвами оказываются люди, которых, казалось бы, нельзя никак объединить между собой. Однако есть нечто общее в этих убийствах — все пострадавшие застрелены из одного ружья. Участковый Завидово начинает свое расследование и приходит к выводу, что не такие уж и простые деревенские здесь живут...

ISBN 978-5-04-121608-5

© Олушева О., 2021

© Эксмо, 2021

Ольга Олушева

Возраст дожития

– Пожалуйста, дочка, возьми, это тебе лично, могут понадобиться на что-нибудь!

– Нет, мама, не возьму, Илья запретил мне брать у вас с отцом деньги, и он абсолютно прав, мы с ним взрослые люди и сами должны решать свои проблемы. – Этот диалог продолжался уже почти целый час, Стас был бы рад не слушать, но в пятничной электричке было так много народа, что у парня просто не было возможности отойти куда-либо в сторону. Люди, рвавшиеся из города после трудовой недели, стояли в проходах и тамбуре настолько плотно, нельзя было руку поднять, не задев соседа. Думая о приятеле, который собирался встретить его на вокзале и отвезти к себе на дачу, он нетерпеливо поглядывал на световое табло, ожидая, когда, наконец, появится долгожданное название конечной остановки. Пронзительный голос старшей из женщин заставлял его болезненно морщиться каждый раз, как она открывала рот.

– Все, больше не могу, – проговорил мужчина стоявший сбоку от Стаса. – Тетки, хватит базарить, свои дела дома обсудите. Я от вас совсем оглох!

– А меня сейчас от вас стошнит, мыться надо не раз в неделю, а каждый день и чеснок перед дорогой не стоит жрать, – тут же вступила в склоку старшая из женщин.

«Как они надоели, – подумал Стас, – надо было на машине ехать! Пусть долго, пусть в «пробках», но хоть никто не орет и не воняет». В это время на табло высветилось название конечной станции. Когда электричка остановилась, Стаса буквально вынесло людским потоком на платформу. Оглядевшись, он сразу увидел красную «Мазду» Ямпольских, а потом и Федора, стоящего рядом.

– Надо было тебя прямо из Москвы забирать, – проговорил тот, оглядывая красного и потного приятеля.

– Это точно, думал, подохну в этой электричке, да еще рядом стояли две тетки и всю дорогу болтали, у одной такой противный голос!... – Тут парень осекся, увидев, как к ним приближаются те самые мать с дочерью, от голосов которых у него еще в дороге разболелась голова.

– Ты их знаешь? – спросил Стас, видя, как Федор с вежливой улыбкой смотрит на женщин.

– Это наши соседи по даче, придется и их пригласить, терпи, друг, не могу же я сделать вид, что мы с ними незнакомы. – Последние слова Федор проговорил совсем тихо, а затем поздоровался с дамами.

– Феденька, как хорошо, что мы вас встретили, автобуса уж очень не хочется ждать, так, может, вы и нас захватите? У нас вещей совсем немного, и место нам в машине, наверное, найдется? Ой, а рядом с нами ехал такой вонючий дядька, а потом он еще и ругаться стал...

– Все, мама, успокойся, если у Федора в машине есть свободные места, он нам скажет, но это вовсе не обязательно, мы прекрасно и на автобусе доедем. – Младшая из женщин смотрела на молодых людей извиняющимся взглядом. Чувствовалось, ей очень неловко от того, что ее мать такая шумная и назойливая.

– Конечно, конечно, садитесь, пожалуйста, а сумки можно поставить в ноги. У нас багажник весь забит продуктами. – Федор галантно распахнул заднюю дверь машины, давая возможность матери с дочерью устроиться на заднем сиденье. – Ты ведь не против, если придется сесть рядом со мной? – повернулся он к Стасу.

– Само собой! – пробурчал Стас, усаживаясь на переднее сиденье. Федор занял водительское место, сделал громче музыку, которая до того играла едва слышно, и они начали медленно выезжать со стоянки.

Через сорок минут машина подъехала к поселку, где несколько лет назад Ямпольские купили участок земли и который был больше похож на деревню. Когда женщины вышли возле своего дома, Стас проговорил:

– Как хорошо, что ты догадался включить музыку, они даже вопить перестали, – и добавил: – Как тут у вас хорошо! Еще лет десять назад я бы и внимания не обратил на запах сирени, а сейчас просто наслаждаюсь.

– Что касается запахов, у нас бывает, не только сиренью пахнет: если сильный ветер с востока, то воняет жуть как. Там какой-то мужик свиноферму завел, вроде и далеко, а свиньи пахнут все равно сильно. Да, насчет женщин, Инна не вопит, это та, что моложе, а ее мамашу вообще ничем не заткнешь. Если бы она не боялась, что я ее высажу среди дороги, то так и трещала бы, не умолкая ни на секунду.

– А были прецеденты?

– Были, ее как-то отец подвозил в город, так она начала вещать на политические темы, в которых вовсе не разбирается, он несколько раз давал ей понять, что она мешает вести машину своим «тарактением», а она все не унималась, ну он и остановил машину возле автобусной остановки и велел ей выходить. Она, конечно, все поняла, извинилась, и с тех пор у нас в машине всегда молчит. Вообще она тетка умная, только горластая и с «вязким» мышлением, может одно и то же переговаривать часами. На этих словах Федора прервал короткий крик, и тут же из калитки выскочила Инна, лицо перекошено, руки в крови.

– Они там, – прорыдала она, – убитые!

– Кто? – резко спросил Федор, лицо мгновенно отвердело, глаза стали внимательными, а взгляд требовательным и жестким. Таким Стас его видел давно, когда его самого ударили ножом и он, теряя сознание, видел именно такое выражение лица у приятеля.

– Папа и Илья.

– Уверена, что убиты?

– Кажется. – Девушка обессиленно опустилась на землю, теперь она не плакала, а только мелко, мелко дрожала, и было слышно, как у нее стучат зубы.

– Присмотри за ней! – тихо скомандовал Федор и прошел в дом. Через минуту он вышел на крыльцо, набирая номер полиции. Из-за их забора показался Олег Петрович.

– Что это вы в дом не проходите? И машину надо под навес загнать, – начал он, но увидев сидящую на земле девушку, осекся и вопросительно посмотрел на сына.

– Проблемы, отец. Там двоих мужчин убили, ее мужа и отца. – Федор кивнул головой в сторону сидящей. Та, казалось, ничего не замечала, только продолжала дрожать и стучать зубами.

– Ой, а где Александра Ивановна? – спохватился Ямпольский, старший.

– Она в саду, в беседке, я ее уложил там на скамью и велел лежать до моего возвращения.

– Пойду к ней, нехорошо ее в такой момент одну оставлять. – И Олег Петрович решительно направился вглубь соседского участка.

– Федя, Стас! – раздался его голос через минуту. – Помогите мне. – Молодые люди бросились к нему. В беседке на полу лежала пожилая женщина, было похоже, что она находится в глубоком обмороке.

– Мне ее не поднять, один не справлюсь.

Втроем они положили соседку, так и не пришедшую в себя, на небольшую скамью, зачем-то покрытую скатертью, на которой, по периметру, были вышиты гладью аютины глазки. Стас побежал на улицу к Инне. На дороге появилась машина «Скорой помощи», а вслед за ней и полиция. Дежурная опергруппа прошла в полном составе в дом, а Ямпольские вместе с Инной и Стасом остались стоять у забора. Привлеченные появлением медиков и полицейских местные жители уже начали собираться в группы вокруг дома, где произошла трагедия. Через некоторое время уехала машина с врачами и увезла с собой Александру Ивановну и Инну, а полицейские

все не выходили из дома. Наконец вышел какой-то лейтенант и пригласил Ямпольских и Стаса пройти на участок. После того как разговор с полицией был наконец закончен, Стас решился спросить о состоянии женщин.

– Похоже, что у старшей гипертонический криз или что похуже, а девушка вообще никак не реагирует на окружающих, ее тоже решили пока положить в стационар и понаблюдать. Ей вкололи лошадиную дозу успокоительного, а толку никакого. Ну, будем надеяться, что организм сам справится со стрессом, она ведь совсем еще молодая. – Оперативник, рассказавший им это, попросил пока не уезжать из поселка, чтобы завтра можно было снять с них официальные показания, и, взяв их номера телефонов, вернулся в дом.

Идея субботнего шашлыка заглохла сама собой, Стас переводил взгляд с одного Ямпольского на другого.

– Что будем делать? – растерянно спросил он.

– А что мы должны делать? – Федор был раздражен. – В них стреляли через открытое окно, возможно, хотели убить кого-то одного, но преступник ошибся, ему пришлось стрелять второй раз.

– Не получается, – вклинился Стас в его рассуждения, – представь себе, вот они сидят за столом, они ведь сидели? Один внезапно падает лицом на стол, что по-твоему, должен сделать второй? Правильно, – ответил он сам себе, – второй кидается поднимать упавшего. То есть на второй выстрел не остается времени. А ты, помнится, говорил, что они сидели за столом и оба были убиты именно там.

– Не знаю, не знаю, но оба были одеты очень похоже, оба темноволосые и, когда сидели, казались приблизительно одного роста и одной комплекции. Правда, у старшего была седина, но ее могли и не увидеть. В конце концов, пусть профессионалы разбираются.

– Федь, а ты не думал, что они могли посориться и поубивать друг друга?

– Ну да, а потом унести подальше оружие и занять прежние места.

– Действительно, глупость сморозил, да ну вас, вечно с вами происходят всякие неприятные вещи. Такое впечатление, будто преступления совершаются там, где вы, или наоборот. Так что ты там видел, в доме?

– Оба лежали лицом в стол у открытого окна, у обоих слепое ранение головы, то есть нет выходного отверстия, и обоим пули попали точно в середину лба. Скорее всего, тот, что был убит вторым, машинально повернулся к окну. Думаю, стрелок имел большой опыт, в дом, кажется, никто не заходил, но это спецпроверяют. Короче, у меня такое впечатление, стреляли из какого-то не очень мощного оружия, вряд ли это был профессиональный киллер, да и зачем нанимать кого-то, если любого из них можно было убить, ударив по голове или еще как.

– Все, мальчики, давайте о приятном поговорим и поедим и наконец, – произнес Олег Петрович, направляясь в сторону кухни.

Поздно вечером возле дома Ямпольских остановилось такси. В калитку позвонили, и Олег Петрович пошел открывать. На пороге стояла бледная Инна.

– Можно к вам? Я и тут боюсь одна быть, и в московскую квартиру боюсь ехать. Я несколькими подругам звонила, они рады меня приютить, но ведь начнут расспрашивать, сочувствовать, а я сейчас не могу... – девушка говорила медленно и монотонно, успокоительные, которыми ее напичкали врачи, продолжали действовать.

– Заходите, – проговорил подошедший Федор, – вам и правда пока лучше будет с нами. Ваш дом все равно опечатан, поживете пока в гостевой комнате. На сегодня мы найдем, во что вам переодеться, а завтра решим этот вопрос, думаю, у полиции не будет возражений и вы сможете забрать необходимые вам вещи. Как дела у вашей мамы?

– Она спит, давление нормализовали, серьезных проблем, к счастью, не случилось. Господи! – девушка с ужасом посмотрела на Федора. – А как я завтра все это Илюшиной маме скажу? Он у нее один, она так внуков хотела, она же не выдержит! – и Инна тихо заплакала.

– Наконец! Слезы – это хорошо, лучше плакать, чем в ступор впадать! – Олег Петрович взял девушку за руку и повел к своему дому.

– Инна, – тронул ее за плечо Стас, – давайте вы об этом завтра подумаете, на сегодня для вас более чем достаточно. Вы зачем ушли из больницы? Нам сказали, что оставят вас до завтра, а может, и дольше.

– Маме стало лучше, она спит, я совсем спать не могу, все о них думаю, за что с ними так, что они плохого могли сделать? Они оба хорошие, ведь не могли же их убить просто ради развлечения!

До глубокой ночи мужчины разговаривали с соседкой, боясь оставить ту наедине с печальными мыслями и надеясь хоть немного ее утешить. Олег Петрович первый прекратил эту бессмысленную суету.

– Инна, я постелил вам на втором этаже, справа от туалета ваша комната. Выпейте, – он протянул девушке почти полный стакан коньяку, – и ложитесь спать, ничего изменить уже нельзя. Все решения вы примете завтра, отдохнув, а мы поможем чем только возможно.

Инна послушно выпила весь коньяк и, пошатываясь, направилась по лестнице вверх. Федор, проводив ее, спустился в столовую, и некоторое время они молча пили чай. Потом Олег Петрович покаянно произнес: – Прости, Стас, я так ничем тебя и не накормил. Сейчас быстро суну ужин в микроволновку, вы же с Федей, наверное, голодные.

– Если вы из-за меня, то не стоит, когда сюда ехали, я хотел есть, а теперь о еде даже думать тошно, вот чай с пряниками – то, что надо.

– Перестань, отец, Стас давно тут уже не гость, захочет поест, скажет или сам возьмет. Пойдемте лучше перед сном погуляем, вон уже светает на улице, надо бы отдохнуть.

– Нет, мальчики, вы идите, а я тут по-стариковски посижу да спать пойду, заодно и гостью нашу охранять буду.

Когда молодые люди ушли, Ямпольский набрал номер своей знакомой, но тут же дал отбой, сообразив, что ночью звонить неудобно. В это время заверещал его мобильный. Не успев задаться вопросом, кому это неймется, Олег Петрович ответил.

– Привет, – раздался в трубке голос приятеля, – это ты сейчас Динке звонил?

– Да, прости, на время не посмотрел и набрал номер. Разбудил?

– Нет, я только что пришел, а она спит, после ночного дежурства отсыпается, ты же знаешь, она подрабатывает еще и в стационаре нашем. Сколько раз говорил ей, заканчивай, всех денег все равно не заработаешь, так она отвечает, что это не ради денег, а от скуки. Братец-то ее, то есть я, часто и по ночам отсутствует, вот она и впряглась, а ведь не девочка уже, должна понимать, что пора здоровье беречь.

– Андрей, ну не тебе об этом говорить, сам-то «пашешь» с утра до утра, или ты теперь работаешь от и до?..

– Нет, конечно, ты же знаешь, в нашей профессии нельзя так, у преступников нет определенного графика. Лучше расскажи, как у вас дела, что так долго не звонил?

И Олег Петрович рассказал приятелю о случившемся.

– Говоришь, два огнестрела и оба слепые? А что полиция говорит?

– Ничего не говорят, я только от сына кое-что знаю. Он туда ходил и все своими глазами видел. Нас, как водится, опросили, пока вежливо, но Федор ездил встречать Стаса на вокзал, заодно и жену с дочерью соседей привез, а я был один дома и ничего не слышал. Соседка, Клавдия Степановна ко мне, правда, заходила, просила огород полить, она к дочери в больницу собралась в субботу ехать. Но это было перед самым приездом ребят, а когда они приехали, те, которых убили, уже остыли. Как видишь, алиби у меня нет.

– Да – протянул Кузовлев, – если у тебя были какие-нибудь трения с погибшими, могут прицепиться.

– Да не было у меня с ними трений, нормальные мужики, спокойные, работающие. Жили небогато и, насколько я знаю, ни с кем не конфликтовали.

– Не переживай, Олег, местные разберутся, не маленькие.

– Ты когда в отпуск? – сменил тему Ямпольский. – Может, к нам на дачу, хоть на несколько дней приедете с сестрой. Места, сам знаешь, много, Федор только в выходные приезжает. Но даже если они вдвоем с подругой приедут, все равно еще целых две комнаты будут пустовать. Иногда мне кажется, что я ошибся, думая провести остаток жизни за городом. Проходит несколько дней, и я начинаю скучать по московскому шуму и сутолоке. Я ведь всю жизнь среди людей, в работе, и хоть я не очень компанейский человек, но постоянное одиночество угнетает, весь день я занят, а к вечеру начинаю тосковать. Пытался смотреть телевизор, скачивать фильмы из интернета, ничего не интересно. Вот теперь жду начала учебного года, тогда можно будет дня четыре в городе быть. Так что ты мне насчет отпуска своего скажешь?

– Кто же его знает, очередной у меня был, но, как ты понимаешь, отгулять его не пришлось. Там посмотрим, а вот Динка, наверное, может приехать, ты ей сам позвони. Кстати, я вообще не знаю, как проводить отпуск, водку жрать неинтересно, к рыбалке я охладел, а куда-то уезжать далеко неохота в одиночку. Нелюбопытным я стал с возрастом, и потом, мне на всякие приключения «везет». Как куда приеду, там обязательно разные неприятности происходят: то обворуют кого-то, то вообще избыют или, того хуже, на труп наткнулся. – В калитку позвонили, и Олег Петрович, распрощавшись с Кузовлевым, пошел открывать, недоумевая, кому это ночью не спится?

– Я свет у вас увидела, хочу на первой электричке к дочери ехать, вот и зашла, напомнить об огороде. Вы уж простите меня, что все к вам пристаю. Если бы не свет в окне, не зашла бы. – Клавдия Степановна смущенно улыбнулась, подхватила сумку и направилась в сторону автобусной остановки. Олег Петрович посмотрел на часы и с удивлением понял, что почти пять утра.

Когда Федор со Стасом вернулись с улицы, им сперва показалось, в доме все спят, но войдя в прихожую, более чуткий Федор услышал тихие голоса, доносящиеся из гостиной, огромное окно которой выходило на другую сторону дома, и они не видели света, когда подходили к калитке.

– Отец, – негромко позвал Федор. Двери отворились, и оттуда раздался голос Ямпольского:

– Заходите, у меня тут неожиданный гость образовался.

– Саша, – обратился он к участковому, сидящему напротив него, – давай я тебя и ребят покормлю, ужином это назвать нельзя – поздно, а завтраком – еще рано, но все равно, вы наверняка все проголодались, составь ребятам компанию.

Участковый, это был белобрысый круглолицый парень, отчаянно покраснел и пробормотал что-то себе под нос. Стас недоуменно уставился на него, было в этом парнишке столько детского, что он напоминал старшеклассника, играющего роль полицейского, а уж никак не настоящего участкового.

– Будет, будет! – усмешливо проговорил Федор. – И мы тоже будем, и правда есть захотелось, а Саша у нас организм растущий, ему постоянно «топливо» требуется, правда?

Саша еще больше покраснел и застенчиво кивнул головой. Стас вышел вслед за Федором на кухню, чтобы помочь приятелю с организацией кормежки и тихо спросил: – Он и правда лейтенант?

– Правда, ему уже двадцать пять или двадцать шесть лет, просто очень молодо выглядит, парень отличный, у него даже орден за мужество на пожаре имеется.

– Это на том, который был, когда вы участок купили?

– Точно, тогда почти целая деревня по соседству выгорела. Вечером все случилось, пока до пожарных дозвонились, пока они приехали, уже половина домов полыхала. Так Саша кучу

народа из огня вынес, он столько спас, что ему местные памятник хотели ставить. Потом идея тихо умерла, но к нему отношение очень хорошее. Тогда, кстати, всего два дома от всей деревни остались целы, да и то потому, что на отшибе стояли. Дома все старые были, деревянные, местные даже и не думали их от огня чем-то покрывать, в смысле составом специальным, хотя, думаю, в том огне это не помогло бы.

– Ты откуда такие подробности знаешь?

– Отец тогда строиться уже начал, я часто с ним тут бывал, а вы в первый раз сюда приезжали только год назад, еще папин армейский друг был из Тбилиси, Юрий Валерианович.

– Нет, он тогда уже домой улетел, и я о нем только с твоих слов знаю. О пожаре слышал как о факте, но без подробностей. Не думал, что все так серьезно было.

– Давай мужиков звать, только не кричи, Инну разбудишь, пусть поспит.

Когда участковый ушел, Олег Петрович задумчиво посмотрел на сына.

– Не знаю, как девочке сказать, Саша приходил ночью сообщить, что она теперь совсем одна осталась. Ее мать в больнице умерла час назад, инфаркт, не успели спасти. Даже не представляю, как ей сообщить о смерти Александры Ивановны.

– Как же это, ей же лучше стало, – Федор растерянно смотрел на отца.

– Да вот так! – раздраженно проговорил Ямпольский. – Сердце оказалось больное, и врачи не сразу увидели, а потом поздно было. Бедная девочка, в один день всех потеряла!

– Детей у них с мужем не было?

– Какие дети, Стас, они не так давно поженились, только свекровь у Инны осталась, да и той нам придется завтра звонить. Инна вряд ли сможет, ей и свое горе пережить надо будет.

– Думаю, матери Ильи вчера уже позвонили из полиции.

– Все, спать нам осталось часа два, если повезет, то три. – Олег Петрович первым встал из-за стола и направился к лестнице.

Утро началось с глухих рыданий, доносившихся из комнаты, где ночевала молодая женщина. Первым услышал Ямпольский-старший и, натянув на себя майку, бросился в комнату Инны. Когда следом, протирая глаза, вошел Федор, Олег Петрович облегченно вздохнул. Он совсем не умел утешать, и появление сына обрадовало его. Теперь можно было умыться и на некоторое время переключиться на бытовые проблемы. Уткнувшись носом в плечо Федора, девушка рассказала, что утром ей позвонила дежурная медсестра и рассказала про мать.

– Понимаешь, для нее это очередная смерть пожилого человека. Ей все равно, у нее в голосе даже сочувствия никакого не было! Она просто сообщила о том, о чем была обязана сообщить, вот и все.

– Инна, если медики будут переживать из-за каждой смерти, они не смогут работать, у них вырабатывается нечувствительность к таким вещам, это просто защитная реакция психики. То же происходит и с полицейскими, и с пожарными, и со всеми, кто по долгу службы вынужден постоянно сталкиваться с чужим горем. – Федор говорил и говорил, понимая, что надолго его красноречия не хватит, и как тогда успокаивать девушку? Как только он замолчал, Инна подняла на него глаза:

– Ведь маме стало лучше, у нее и давление было нормальным, когда я уходила. – Девушка вглядывалась в лицо Федора, словно надеялась, тот сейчас улыбнется и скажет, все нормально, это просто страшный сон, но тот молчал. Потом вдруг резко встал и неприятным, металлическим голосом проговорил:

– Все, хватит, оттого, что ты будешь плакать и причитать, ничего не изменится, никого уже не вернешь, сейчас ты дашь мне номер телефона твоей свекрови, я ей позвоню и, если она еще не приехала, договорюсь о том, как ее встретить. Потом мы поедем в полицию, там нас ждут.

В конце дня и Инна, и ее свекровь, обессиленные от слез и разговоров в полиции, ушли наверх, в гостевую спальню. Сперва они порывались отправиться в свой дом, но Олег Петрович

категорически запретил им делать это, мотивируя свой запрет тем, что дом опечатан. На самом деле вполне можно было договориться, чтобы печать сняли, но он справедливо опасался, как бы женщины не наткнулись на пятна крови и прочие следы произошедшего несчастья. Он понимал, двум несчастным, разом потерявшим всех близких, необходима поддержка, необходимо, чтобы ими кто-то руководил пока они не возьмут себя в руки.

– Что будем делать, отец?

– А давай Стаса подключим и Кузовлева, я попрошу узнать по своим каналам все возможное. Конечно, ничего мы сами не сможем раскрыть, но, быть может, удастся хоть чем-то помочь. Уж очень соседку жаль, и насколько я знаю ее родителей, они очень приличные люди. Сомневаюсь я, что у них были враги, готовые пойти на убийство. Не любить их, конечно, могли, но не настолько.

– Давай попробуем, я с ним сейчас поговорю, он на крыльце сидит и, похоже, уже решил заняться самостоятельным расследованием.

– Постой, Федь, не надо пока, вам и так опять ночь не спать придется. Боюсь, с Инной и Натальей Игоревной еще придется повозиться. А утром, когда в Москву поедете, тогда и поговоришь. Как он успевает со вторым институтом? Учится?

– Не то слово, он заканчивает четвертый курс, скоро будет юристом, только год остался. И когда только успевает, работы, правда, на фирме сейчас не много, да только и зарплаты не густо. Я все вспоминаю, как Кудасова, ой, Дубровина то есть, меня предупреждала, что на фирме пахнет «началом конца». Права она была, чуть больше двух лет как уволилась, и ее слова сбываются, дело к закрытию фирмы идет, не иначе.

– Хочешь, поговорю в институте? С твоим послужным списком ты вполне можешь претендовать на должность преподавателя, а у нас вроде двое уходят из преподавателей, но это еще не точно.

– Спасибо, отец, подумаю.

В это время в комнату вошел порядком промерзший Стас.

– Как наши дамы, Федь?

– Плохо, но отец верно сказал, все разговоры завтра утром, на свежую голову. Кстати, пап, завтра – воскресенье, так что мы со Стасом через день утром уедем. А завтра мы с вами устроим «совет в Филях», когда проснемся.

На следующий день, с утра пораньше, когда еще все в доме спали, Олег Петрович сходил к соседке, живущей в доме на противоположной стороне улицы, и спросил, кто может убраться в доме, где произошло убийство.

– Так тетя Клава и уберется, вот приедет от дочери из больницы, она ведь всегда на пару дней ездит, и уберется. Она везде старается подработать, внучку-то растить надо!

– Я никогда не спрашивал, что у нее с дочерью? Сколько помню, все она к дочери ездит, а это уж года два продолжается.

– Так в «психушке» у нее дочь-то. С того самого пожара, как деревня сгорела, она и сошла с ума. Тогда у нее и муж, и брат, и сын средний погибли, еще и маленькая дочка, грудная совсем, Юля ее только родила, задохнулась в дыму, вот и не выдержала она, с ума сошла. Тетя Клава говорила, как тогда села, замолчала, перестала всех узнавать, так до сих пор и сидит, ничего не помогает. – Соседка горестно вздохнула и добавила: – Вы, Олег Петрович, больше никого не просите, дайте ей подработать, она ведь одна ребенка тащит.

– У нее вообще больше никого нет?

– Есть самый старший внук, брат вон рядом с вами живет. Но внук остался в армии, вы, видно, не помните, он год назад приезжал, мать навестил, но тетя Клава говорила, что та и сына не узнала.

– Печально это все, только вы не волнуйтесь, я никого не буду больше просить.

Дома Олег Петрович застал Федора с приятелем, собирающихся садиться за стол.

– Садись, пап, пока все горячее, я блины разогрел. Наши гости пока не вставали, и мы решили их не будить.

– Правильно сделали, – усаживаясь на свое место, проговорил Ямпольский. – Так что мы с вами, мальчики, можем сделать, чем помочь, чтобы весь этот кошмар наконец разъяснился? Не очень-то я местным доверяю.

– Зря вы это, мне ваш участковый показался толковым, даром, что на большого ребенка похож. Вы вот не обратили внимания, а я заметил, он когда тут за столом сидел, все выпросил, как, кто, где, с кем и когда был. У него теперь вполне ясная картина произошедшего, думаю, он первым докопается до истины. Сам все узнает, сопоставит и проверит.

– Ты прав, Сашка въедливый, и если он чего-то не понимает, так он землю носом будет рыть, а до истины докопается. Помнишь, о пожаре говорили? Так он до сих пор выясняет, кто виноват в поджоге. Дело уже закрыли, никого, конечно, не нашли, а он все копает, – прожевав кусок блина, проговорил Федор.

– А кого подозревали?

– Не знаю, знаю только, что ничего не доказали, вот и нет виноватых. Сашка, конечно, знает, кого подозревали, но он молчит, его местные даже напоить пытались, думали с пьяным проще договориться, только он совсем не пьет, говорит, насмотрелся в детстве на пьяного отца.

– А что, местные сами никого не подозревали?

– Как раз наших соседей и подозревали, конечно, не только их, еще на нескольких человек кивали, только, как я уже сказал, никто ничего точно не знает. Не доказано, и все, только Сашка и пытается до сих пор разбираться, другие давно рукой махнули.

Телефонный звонок раздался под утро, человек взял аппарат и сонно ответил, но на том конце была тишина. Тогда он отключился и только после третьего «пустого» звонка произнес:

– Цена та же, фотографию оставьте на Ярославском вокзале, в ячейке номер 225, срок – неделя. – Через несколько минут он мирно посапывал под легким одеялом. Убийце не снились тревожные сны, просто работа, за которую можно получить хорошие деньги. Только однажды пришлось отступить от правила ничего не делать даром, надо было выполнить работу для себя, но этого требовало чувство справедливости. Каждый должен ответить за свои проступки, иначе в мире нарушится равновесие и зла окажется больше, чем воздаяния за него. О том зле, которое несли в этот мир его руки, человек не задумывался. Зачем думать о том, чего нельзя изменить, ведь ясно же, всегда найдется тот, кто выполнит эту работу и получит деньги, так почему кто-то другой? Деньги нужны, и они будут заработаны.

Когда женщины проснулись и позавтракали, Федор со Стасом проводили их домой и договорились, что через пару часов заедут за ними и отвезут в полицию, где их ждут, чтобы снять официальные показания.

– Федь, – остановившись посередине дороги, Стас посмотрел на приятеля, – а когда в той деревне был пожар?

– Точно не знаю, кажется года два прошло. Тебе это зачем?

– Я вчера случайно от Инны узнал, у них в том поселке дача была, так что они тоже пострадали. Может, дело в этом? Может, ее родители знали о том, кто виноват в пожаре?

– Тогда почему убили Илью и отца Инны? Почему не тронули ее мать? Допустим, преступник боялся, что отец Инны поделился с зятем своими знаниями, но ведь он мог поделиться теми же знаниями и с женой. Как-то это все «за уши» притянуто, не находишь?

– Не знаю, но у меня чувство такое, все ведет к тому пожару. Я еще, знаешь, подумал, может Илью убили случайно. Потом преступник увидел свою ошибку и добил того, кто был изначально целью?

– Ты, Стас, туда не заходил и потому не видел, оба, и Илья и отец Инны, убиты точно в середину лба. Как думаешь, мог тот, кто так хорошо стреляет, ошибиться и убить случайного человека? Не мог! И вообще, надо быть внимательнее, я тебе все это уже рассказывал, а ты не запомнил главного.

– Чего? Кстати, ты сам говорил об ошибке, а теперь удивляешься, что я, по сути, повторяю твои же слова.

– Не запомнил ты того, куда были сделаны оба выстрела, такие вещи не бывают случайными. И потом, они не ходили по комнате, а оба мирно сидели за столом и обедали. К тому же я все же думаю, их нельзя спутать, молодой – высокий, подтянутый, с темными волосами, а пожилой – с брюшком, наполовину седой и значительно ниже ростом. Это было видно даже тогда, когда они сидели. Я сам сперва подумал об ошибке, но потом понял, глупость это, не мог преступник ошибиться, даже если бы они были одного роста, все равно их спутать нельзя. Нет, тут хотели убить двоих, ты и сам так говорил, забыл, что ли?

– Надо бы Инну поподробнее расспросить, вдруг ей в голову мудрая мысль придет. Может, какой-то бывший ее ухажер, как думаешь?

– Брось, Стас, она еще совсем молодая, только институт закончила. Не похожа она на роковую женщину, психотип не тот. Насколько я понимаю, она обычная домашняя девочка, которая и замуж-то вышла только потому, что Илья решил на ней жениться. Я даже не уверен в ее желании быть чьей-то женой, у меня сложилось впечатление, не она принимает решения, а за нее принимают эти решения другие. Может, это странно звучит, но она, по-моему, еще не стала взрослой, инфантильность видна во всем. У нее реальный возраст сильно обгоняет психологический. Не знаю, как это правильно выразить. Потом, я неплохо общался с Ильей, он тоже женился не от бешеной страсти, а просто хотел нормальную, спокойную жизнь себе устроить. Не думай о нем плохо, он был нормальный, разумный мужик, без дешевых «понтов», но и цену себе знал. У него в прошлом был неудачный брак со скандалами, изменами и прочей ерундой, хорошо хоть детей не было.

– Так может, дело в его бывшей?

– Ну конечно, через шесть лет после развода она вдруг наняла киллера, чушь это все. Он несколько лет приходил в себя после полугода совместной жизни с бывшей женой. Говорил, что решил больше никогда ни с кем не связываться, но встретил Инну, присмотрелся и женился.

– Федь, если их брак держался на расчете, пусть не материальном, но все же расчете, так может, тут что-то есть?

– Не думаю, Илья, уж не знаю почему, но довольно много мне о себе рассказывал, а незадолго до гибели хотел еще о чем-то поговорить, но я вечно на работе, а теперь сам знаешь, что случилось. Мне кажется, стоит узнать, о чем он хотел поговорить, если, конечно, это возможно. Инна немного придет в себя, и я у нее попробую спросить.

– Да, жаль девочку, в один день потерять всех родных. У Ильи, как я понял, нет ни братьев ни сестер?

– Никого нет, его мать тоже одна осталась.

Вечером, перед отъездом в Москву, Стас убеждал Олега Петровича расспросить соседей, может кто-то слышал или видел что-нибудь интересное, такое, о чем не догадался рассказать полиции.

– Вы поймите – горячо доказывал он, – я не призываю вас подменять профессионалов, да никто нам этого и не позволит, но вдруг удастся узнать такую деталь, о которой полицейским не сказали, просто не поняли, как это важно. А тут мы, рассказываем Саше свою версию, и она оказывается правильной! В конце концов, преступление произошло в соседнем доме, погибли ваши знакомые. И не забудьте, два года назад мы, все вместе, нашли убийцу вашей жены, а потом и преступника, убившего Киру Андреевну.

– Ты, парень, остынь и подумай, с убийцей Тамары нам просто повезло, если бы мать Бунича не умерла в доме Дубровиной, мы никогда не прочли бы письмо его отца, а с убийцей Амалицкой целиком твоя заслуга. Только не забудь, полиция в это время тоже не плюшки трескала, вот и тут они, надеюсь, во всем разберутся.

Но Стаса уже было не остановить, как только появлялась рядом какая-либо загадка, он непременно должен был ее разгадать.

– Олег Петрович, – спросил молодой человек неожиданно робко, – а можно, если, конечно, получится взять отпуск, я приеду к вам и тут проживу? На пару недель всего!

– Конечно, можно, я буду только рад, но повторяю, если вы с Федькой вляпаетесь в опасные дела, я сам вас отправлю куда-нибудь подальше, например на Курилы. Сын – это все, что у меня есть и чем я дорожу, я не позволю ему рисковать головой второй раз. Мне хватило его военных подвигов, твоя голова, кстати, мне тоже нравится, и вообще, подобными делами должны заниматься профессионалы, а не сыщики-любители. Я тебя предупредил!

– Не волнуйтесь, ни в какие криминальные дела мы не полезем, я теперь стал умнее и не буду столь «топорно» подставляться. Я ведь просто отдыхающий, могу проявлять глупое любопытство, глядишь, и услышу что-то полезное. Все услышанное расскажу Саше, а он пусть решает, что с этим делать.

Несмотря на все заверения, Стас и не думал отсиживаться в стороне, им уже овладел азарт сыщика, потому, едва придя на работу в понедельник, он сразу написал заявление на отпуск и пошел к главному конструктору мастерской. Заявление начальник подписал, тем более зная, где Стас получает второе высшее образование. Никто в мастерской не рассчитывал, что парень задержится в проектировании надолго. Все понимали, он продолжает работать до тех пор, пока учится. Довольный, он позвонил родителям и сообщил о том, что с начала следующей недели в отпуске, который намерен провести у Федора на даче.

Через несколько дней состоялись похороны мужа Инны и ее родителей. Ямпольские очень старались поддержать осиротевших женщин, но насколько им это удавалось, понять было невозможно. Удивительно, но разговоры о произошедшей трагедии довольно скоро стихли, иногда какая-либо соседка спрашивала Инну, нет ли новостей, но та отвечала односложно и не скрывала, насколько неприятны ей подобные вопросы. Только Клавдия Степановна, заходившая чуть ли не каждый день, устаивалась продолжительных разговоров, но надо отдать ей должное, она никогда не задавала вопросов, касавшихся несчастья, все разговоры сводились к бытовым проблемам. Поговорив с Инной, женщина направлялась в дом напротив, где жил ее младший брат Юрий Степанович, которого окружающие побаивались и старались с ним поменьше общаться. Юрий Степанович недавно разменял полтинник, а выглядел старше своей сестры. Это был нелюдимый, мрачный мужик с тяжелым взглядом и темными крупными руками, он вечно копался в своем огороде или уходил на пасеку, где ему принадлежала половина ульев. В конце лета он качал мед и отвозил его в Москву, на продажу. Некоторые дачники, не знаящие этого человека, спрашивали его про мед, надеясь купить дешевле, но он неизменно отвечал: «Останется после зимней ярмарки, продам, но не раньше». Местные покупали мед у второго хозяина пасеки, а Юрия Степановича не любили, называли «кулаком» и «выжигой». Часть этой «нелюбви» распространялась и на его старшую сестру Клавдию, но ее, тем не менее, жалели. После пожара, произошедшего два года назад в соседнем поселке, женщина осталась одна с маленькой внучкой, которой теперь было всего три года, с тех пор она растила девочку. Прежде у Клавдии Степановны была большая семья, муж, зять, четверо внуков и дочь с сыном, но в огне погибли и двое внуков, и сын, и зять. Муж тоже вскоре умер, сердце не выдержало, а дочь с тех пор была где-то в больнице. Злые языки утверждали, что так долго можно лежать только в психиатрической лечебнице. Пожилая женщина не подтверждала и не опровергала эти слухи, казалось, она их не слышала. Похоронив родных, Клавдия Степановна перебралась в Завидово, поближе к брату. Она часто ездила в город к дочери в больницу, на время ее

отсутствия малышкой занимался брат, а огород она просила поливать соседа, Олега Петровича. Заходя на ее участок, Ямпольский всякий раз поражался, как эта немолодая женщина успевает все, и хозяйство в образцовом порядке содержать, и за ребенком приглядывать, и хоть одевалась Клавдия Степановна просто, по-деревенски, но всегда была аккуратна, выстирана и отглажена. Однажды Олег Петрович не удержался и спросил ее об этом.

– Я очень люблю смотреть детективные сериалы, особенно английские, там часто показывают деревню, вот смотрю я и думаю, почему в Англии деревенские женщины в шляпках, перчатках, с красивыми прическами, а наши грязные, неприбранные, одно слово. – распустехи?

– Вы же умная женщина, педагог, должны понимать, все, кого в сериалах показывают, не работают с утра до вечера на земле. Они в основном кусты роз постригают да чаи распивают, а наши вкалывают, борются за выживание, вот и выглядят соответственно. Там принято на грязные работы нанимать людей, которым жить не на что, а нашим и самим «не до жиру». – Он говорил все это и параллельно думал: может, она права?

– Вот вы мне скажите, Олег Петрович, будет когда-нибудь наш народ хорошо жить? Или у России судьба такая, из одной беды выкарабкались и сразу в другую попали.

– Побойтесь Бога, Клавдия Степановна, я-то почему знаю, что нас ждет! Сейчас вроде стало налаживаться, но ведь страна-то огромная, разве легко такую махину из «болота» вытащить, на это и десяти человеческих жизней не хватит. Что это мы с вами все о грустном, давайте лучше об огороде, – усмехнулся Ямпольский.

– Да ну вас, все смеетесь. – Она махнула рукой и, направляясь на свой участок крикнула: – Я вам попозже яиц принесу и зелени.

Его «спасибо» потонуло в шуме газонокосилки, раздавшемся откуда-то сбоку.

– Сашок, давай-ка, помоги мне! – Старший брат повернулся в сторону калитки, открытой только что, и помахал рукой.

– Погоди, дай хоть переодеться. – ответил участковый и тут же спросил: – Что у тебя там?

– Мать просила бочки вылить, естественно не просто на землю, а огород полить.

– И что, до вечера еще далеко, сейчас-то я тебе зачем?

Старший пробурчал что-то невнятное.

– Опять пьян, бедная мама, вот как тут свою жизнь устроить? Хоть бы уехал куда, не работает, пьет чуть не каждый день, где только деньги на выпивку берет? – Саша тяжело вздохнул, взглядевшись в лицо Егора. Со дня смерти отца, а с того времени уж более десяти лет прошло, старший будто эстафету принял. Как на поминках начал, так до сих пор все не остановится никак. Что только они с матерью не делали, и к бабкам его возили, и в клинику клали, и к специалисту-психологу обращались, ничего не помогло. Мать махнула на него рукой, а Саша еще на что-то надеялся.

– Егор, – посмотрел он на старшего брата, – ты в курсе, убийства в соседней половине деревни?

– Ну!

– Не «нукай», не запряг, так знаешь что или нет?

– Саш, мне бы курева купить, у тебя нет рублей сто?

– Знаю я, на какое «курево» тебе деньги нужны, обойдешься.

– Ну так и я ничего не знаю, спал я.

– Что ты врешь, ты тогда два дня дома не появлялся! Как к приятелям своим ушел в ту половину деревни, так и не появлялся. Имей в виду, я тебя не как брат спрашиваю, а как лицо официальное.

– Слушай, «лицо официальное», – путаясь в словах, проговорил старший брат, – а хочешь, я тебе двину промеж глаз?

– Давай, двинь, только потом не жалуйся! – Саша ехидно улыбнулся. Но брат, наученный горьким опытом, повернулся к нему спиной и, пошатываясь, побрел в дом. В душе он хорошо понимал, что времена, когда власть над младшим принадлежала ему, давно миновали.

– Тьфу, урод моральный. – Саша аж сплюнул от досады. – Черт с тобой, буду разбираться сам. А тебя вызовут повесткой! – крикнул он в спину Егора. Тот громко выругался, но не повернулся, а поднялся на крыльцо и ушел в дом.

Вот и поговорили, а ведь он, стервец, наверняка что-то да знает. Они с друзьями целыми днями на улице болтаются, даром, что все мужики взрослые, мозги пропили, вот и ведут себя как неразумные подростки. Надо их всех по очереди вызывать и заставить вспомнить, весь день по минутам. Только хорошо бы уточнить, когда в доме Реброва убили хозяина и его зятя, а то ему только приблизительно сказали, до экспертизы. Впрочем, «приблизительно» он и сам знал, не зря в институте учился, хоть и на заочном отделении. Поднимаясь по ступеням, Саша прикидывал, давать ли Егору деньги, потом решил все же дать, тот и так найдет на выпивку, Сашина сотня ничего не изменит.

– Егор, вспоминай давай, где вы были в пятницу, кого видели и во сколько. Ведь ты с приятелями целый день провел на улице, не могли вы никого и ничего не видеть, вы, кстати, где сидели?

Егор, уже забывший о размолвке с братом, поскреб голову и пробормотал, выглядывая из дома: – Сань, ты не сердись, но я в тот день не в форме был, ничего не помню. Может, ребята видели, а я пас, задремал у магазина, и они меня не стали будить. Вот тебе крест, хочу помочь, но не могу, прости.

– Ты хоть понимаешь, во что превратил свою жизнь? А, что тебе говорить, все равно не поймешь.

– Ну ты это, денег-то дашь? – робко спросил старший. Вздохнув, Саша протянул ему сотню и молча ушел в свою комнату.

Егор помялся возле закрытой двери, но не решился войти к брату, он вдруг вспомнил, кого видел в тот день. Приятели действительно ушли, не сумев его разбудить, а он через некоторое время проснулся и пошел их догонять. Улица, от магазина до самого своего конца, просматривалась отлично. Не увидев компанию, Егор пошел их искать, так он оказался позади участков. Там вилась узенькая тропинка, зажатая между заборами, по которой он и брел, спотыкаясь. Каждый участок имел калитку, выходящую на эту тропинку, одна калитка была не заперта и даже чуть приоткрыта. Именно об нее Егор споткнулся и упал. Вставая, он ругал на чем свет стоит хозяев дома, забывших закрыть калитку. Тогда-то он и заметил человека, стоящего в саду, недалеко от открытого окна, этого человека там не должно было быть. Но пьяный парень не стал задумываться, откуда там взялся чужой, он еще раз выругался и пошел дальше.

– Ладно, потом расскажу брату, пусть отдыхает. – Егор посмотрел на часы на стене и заторопился в магазин. До закрытия оставалось еще далеко, но организм требовал спиртного, а имея деньги, почему бы его не побаловать.

Сашу разбудила соседка, она вошла в комнату и растолкала спящего: – Вставай, там твоего Егора увозят.

– В полицию забирают? Натворил что-то? – Саша спросонья никак не мог прийти в себя. Он мало спал в последние дни и сейчас будто провалился.

– В какую полицию, в больницу увозят, я сперва думала, у вас никого нет, а потом увидела распахнутую дверь и забежала.

– Да что случилось-то, можешь толком сказать? – лихорадочно одеваясь, спросил Саша. – Что с этим дураком?

– Стреляли в него, представляешь, средь бела дня стреляли!

– Матери не звони, я сам. – И он бросился на улицу. Недалеко от дома стояла машина «Скорой помощи», врач уже садилась в нее.

– Эй, подождите. – Саша бежал к машине, на ходу надевая кобуру. Добежав до машины, он прыгнул внутрь и только тогда повернулся к врачу.

– Я его брат, что случилось? Он жив?

– Пока жив, но, кажется, задел глазной нерв, пуля прошла по касательной, по крайней мере внутрь черепа она не попала, а какие у него повреждения, я пока не знаю, довезем, если довезем, там посмотрим.

– Вы же сказали, череп цел, мозг не затронут.

– Молодой человек, он хоть и ваш брат, но судя по запаху, исходящему от него, я вам скажу, мозг у него, вообще не тот орган, который ему сильно нужен, но в него стреляли сверху вниз, лицо изуродовано, и пуля застряла где-то в районе грудной клетки. Повреждены крупные сосуды, мы кровь как смогли остановили, но все остальное пока непонятно.

– Кто его нашел?

– Какая-то местная жительница, она нас вызвала. Хорошо, мы недалеко были, а то могли и не успеть.

– Я сейчас матери позвоню, вы ей скажите, что он будет жить. – И тихо добавил. – Даже если это и неправда, пусть еще немного побудет спокойна. Хотя какое спокойствие, главное – надежду у нее не отнимайте!

Через несколько часов врач вышел после операции к Саше и его матери: – Состояние тяжелое, но мы надеемся, что он выкарабкается. Вы его брат? Как получилось, что его столь необычно ранили? Я впервые встречаю такой огнестрел, а я их повидал немало. Впечатление такое, будто ваш брат сидел, а стрелявший стоял на стуле или еще на каком-то возвышении, но точно не рядом. В полицию мы уже сообщили, они будут скоро, вы пока не уезжайте.

– Скажите, он скоро придет в себя?

– А это как бог даст, может завтра, а может, – тут он быстро взглянул на стоящую рядом женщину и продолжил: – через пару дней.

– Я поняла, доктор, может – выживет, может – нет. – Плечи пожилой женщины опустились, но она не заплакала, а обратилась к младшему сыну: – Пойду, посижу на улице, ты как освободишься, позвони мне, домой поедем.

– Может, я пока в больнице останусь, вдруг понадобится?

– Смотри сам, сынок, может, и понадобится, а мне все же позвони, я тогда домой поеду, когда ты освободишься.

Полицейские появились в отделении довольно быстро.

– Здорово, Сань, что там с твоим брательником? Слышал, у него какое-то странное ранение. С ним поговорить можно, или он под наркозом еще? – Молодой капитан, бывший за старшего, крепко пожал Саше руку.

– Сегодня точно нельзя, врач вообще не уверен, что Егор в себя придет. Пока никаких прогнозов. Ты спрашивай, я в это время, к сожалению, спал, толком ничего не знаю, а вы зачем сюда приехали? Его ранили не здесь, а у нас в деревне, может туда лучше поехать.

– Мы на вызове были, когда позвонили из больницы, решили тебя с собой захватить и поговорить по дороге. Только мы и не думали, что все так серьезно, решили, по пьяни все случилось.

– Мне тут пули передали, которые из Егора вынули. В него дважды стреляли и оба раза попали по касательной в голову, а потом пули прошли в грудь. Одна чудом сердце не задела, в ребрах застряла.

– Так, – проговорил капитан, – а пулька-то знакомая. Такие же вынули из Реброва с зятем. Работал непрофессионал, оружие всегда одно и то же, он не сбрасывает его. Да и оружие с небольшой убойной силой, точно не снайпер стрелял, хотя умения у стрелка не отнять. Попадает точно в середину лба. Неужели с твоим братом он расправился! Кому мог помешать

совершенно безобидный мужик, к тому же, прости, брат, но из «песни слов не выкинешь», алкоголик?

– Но это только у Реброва и у его зятя, – перебил его второй. – А тут вообще непонятно, как стреляли. Может, кто-то другой развлекался.

– Ага, а оружие у них вроде переходящего выпела.

Оперативники заспорили, могло ли быть двое убийц или стрелял все же один человек. И спорили всю дорогу, совершенно забыв про Сашу и его мать.

По дороге в деревню парень напряженно думал о чем-то, не обращая внимания на спорщиков, возле дома они высадили его мать из машины, припарковались в тени сирени, а сами пошли пешком.

– Стойте, я с вами, – Саша догнал их через минуту – знаю, мужики, где все могло произойти. Пойдемте, покажу.

Они двинулись друг за другом по тропинке, которая шла по краю крутого спуска к реке и соединяла две деревни между собой. Точнее, соединял их мост, но тропинка на другом конце моста, начиналась точно такая же, как и до моста и некоторое время она шла параллельно шоссе.

Когда-то давно деревня была одна, и называлась она «Большое Завидово», где было «Малое Завидово» – никто не знал, да и было ли оно вообще. Но потом дожди и тающий снег образовали овраг, разделивший деревню на две, почти равные части. Так появились две половины деревни, одна из которых называлась «Большое», а вторая, соответственно, «Завидово». Половинки соединял мост, по которому проходил автобус, сразу после моста он сворачивал в сторону остановки, а дальше было шоссе, по которому мало кто ездил. Только местные, у кого машины были. Мост сперва был деревянным, но овраг расширился, его склоны осыпались, а в дождливые времена и оплывали, в итоге какой-то районный начальник велел укрепить склоны оврага и построить через него бетонный мост. Недалеко от них стояла еще одна небольшая деревенька, та самая, что пару лет назад сторела. Вокруг всех трех населенных пунктов была грунтовая дорога, которую постоянно подправляли, но пока в Завидове не стали скупать землю дачники, все старания были тщетны. Асфальтовая дорога появилась вместе с дачниками, и самое интересное то, что проложили ее не «всемирно», а местные власти, возможно, тут приложил руку тот самый человек, который и построил злополучный мост. Позднее стало известно, как и для кого была проложена дорога и почему так срочно понадобилось укреплять склоны оврага, но это не интересовало местных жителей, главное, дорога была, а прочее...

– Вот сюда Егор часто приходил, – сказал Саша, спускаясь по тропинке вниз, Дно оврага поросло лопухами и не слишком сильно возвышалось над уровнем реки. В одном месте лопухи были сильно примяты, на их огромных листьях были видны темные разводы.

– Тут он сидел, а стреляли в него сверху, надо найти это место.

– Понятно, что надо, сейчас найдем. Мужики, – обратился капитан к остальным, – не спускайтесь, глазами ищите место, где примятая трава или кусты сломаны, и сразу мне говорите, я сам туда пойду, а то затопчем все. – Почти сразу они нашли место, где стоял человек, стрелявший в Сашиного брата. По примятой траве и сломанным веткам это место было отлично видно сверху, хоть и находилось почти под самым мостом.

– Смотри, а он ведь стоял так, чтобы его не было видно из деревни, спустился немного вниз и стрелял оттуда. Осторожный, гад, – повернулся к остальным капитан. – Саш, тебе Егор точно ничего не говорил? По какой-то причине его пытались убить, ведь не псих же в него стрелял!

– К сожалению, ничего он не говорил, этого дурака больше всего интересовал вопрос, как раздобыть деньги на выпивку. Ну а когда его нашли, он молчал, поскольку без сознания был, вот так-то, – вздыхая проговорил участковый.

– А где его нашли? Как я понял, он был недалеко от дома, там его и обнаружили.

– Видимо, сам пришел, не тащили же его средь бела дня через деревню!

– Ну да, с пьяных глаз он, поди, и не понял, что произошло, ладно, мужики, давайте закругляться. Сегодня мы ничего не сделаем, а завтра он, может, в себя придет. Ты, Саня, предупреди мать, чтобы не болтала о том, что брат жив, пусть думают, помер он. Спокойнее так. – Пожав друг другу руки, они разошлись. Городские уехали на машине, а Саша направился домой.

– Мама! – позвал он, входя на крыльцо. – Ты дома?

Мать вышла ему на встречу с опухшими от слез глазами: – Ты решил там не оставаться, я думала, ты с ними вернешься в город?

– Я ребят привозил сюда, чтобы осмотрели место происшествия. Мам, ты никому пока не говори, что Егорка жив.

– Почему? Разве это плохо?

– А сама не понимаешь? Его ведь не случайно пытались убить, он что-то видел в тот день, когда в соседней деревне произошло двойное убийство. Сказать вот только никому ничего не успел, боюсь добить его захотят, а так пусть думают, что помер, и все. Всем говори, мол, не доездили до больницы, не успели.

– Да как же это, сынок, живого-то мертвым называть?

– Это всяко лучше, чем он и правда будет мертвым! Кто знает, что этой сволочи в голову придет, вдруг добить решит.

В конце недели приехали Федор со Стасом. Несколько раз за прошедшее время Олег Петрович пытался позвать Инну и ее свекровь в гости. Он очень хотел немного отвлечь женщин, заставить их встряхнуться, может заставить говорить, может поплакать у него на плече, короче хоть как-то проявить себя. Он по опыту знал, как им сейчас непросто, и его сильно беспокоило то, что они обе, будто мороженые рыбины, ни на что не реагировали. Утром они по очереди выходили на улицу, иногда Инна включала газонокосилку и пыталась косить траву, но тут же замирала, держа в руках триммер, потом выключала его и опять долго стояла, глядя в одну точку. Наталья Игоревна, ее свекровь, показывалась из дома и вовсе на несколько минут. Выйдет, постоит на крыльце или возле калитки и уходит в дом. Все это Олег Петрович не раз наблюдал из окна второго этажа. Перед приездом сына Ямпольский не выдержал, пошел к соседям и, не спрашивая разрешения, устроил ревизию холодильника. Он, конечно, понимал, что женщинам не до еды, но то, что он увидел, повергло его в шок. В холодильнике было полно еды, но все приготовленное давно испортилось, а нового ничего не готовили.

– Все, хватит, – проворчал он, вытряхивая из холодильника протухшие продукты. – От того, что вы уморите себя голодом, лучше вам не будет, вы обе должны взять себя в руки. Инна, вспоминайте, пусть не сразу, пусть через некоторое время, но вы должны вспомнить, кому и когда ваш муж и отец могли перейти дорогу. Может, у них были с кем-то проблемы при покупке участка, может Илья конфликтовал на работе, не могло это произойти без всяких причин.

– Илья был очень спокойным и разумным, он никогда бы не пошел на конфликт просто так, либо произошло что-то неординарное, либо его убили по ошибке, – подняв голову, тихо проговорила Наталья Игоревна. – Только я не могу вам тут помочь, меня не было рядом, я вообще мало знала о жизни сына в последнее время! – Она горестно вздохнула и добавила: – Насколько я помню, участок они с Инной покупали, это потом уже Иннины родители помогали строиться, когда сгорел дом в соседней деревне, в котором они до того жили.

– Да, да, Наталья Игоревна верно говорит, папа помогал нам с Ильей, мы одни еще долго бы строились. А он сказал, лучше взять готовый проект и по нему делать. Ничего нет хуже, чем придумывать самим, мы ведь не специалисты, – она беспомощно посмотрела на Олега Петровича.

– Ну, специалисты или нет – это не важно, иногда и неспециалисты классные вещи делают. Речь сейчас не об этом, важно понять, что такого сделали ваши родные, что заплатились за это жизнью. Не верю я, что их убили по ошибке, потому давайте вспоминать все происходившее в последнее время. Понимаю, это не сразу, но вы старайтесь. А мы займемся сбором всей возможной информации. Когда-нибудь я вам расскажу о том, как через двадцать с лишним лет мы с Федей узнали, кто его маму и мою жену убил. Ну а пока надо жить и вспоминать, по своему опыту вам скажу: время не лечит, просто с годами привыкаешь к отсутствию родного человека и перестаешь его везде видеть, ждать от него звонков по телефону, ответов на вопросы. – Последние несколько фраз Олег Петрович произнес задумчиво, будто самому себе говорил. Постояв немного с опущенной головой, он встрепенулся и добавил: – А сейчас попрошу вас, милые дамы, идти со мной, вам необходимо нормально поесть. Завтра с утра я прослежу, чтобы вы не забыли приготовить обед, и буду следить за вашим питанием до тех пор, пока вы не придете в себя и не начнете нормально жить.

Уговорами и угрозами переехать в их дом, он заставил обеих женщин, наконец, привести себя в порядок, и отправиться к нему. Когда они проходили по улице из одного дома в другой, то не обратили внимания, каким грустным и в то же время сочувствующим взглядом их провожал сосед. Затем тот мрачно посмотрел на свой дом и, вздохнув, отправился вглубь участка по своим делам.

Поговорив с матерью и, насколько это было возможно, успокоив ее, Саша отправился на окраину деревни, поближе к оврагу и магазину. Он надеялся, что местные алкаши расскажут хоть что-то полезное. Возле магазина никого не было, и это очень удивило участкового. Обычно, интересующая его публика сидела на лавочке и болтала. Зайдя в магазин, он подошел к продавцу, сегодня вместо привычной Лены за прилавком стоял ее муж.

– Что это ваши постоянные покупатели не толкуются, вроде и зарплату недавно получили, и пенсия была два дня назад?

– А ты что, не знаешь, что говорят в деревне? – Муж Лены придвинулся и заговорил громким шепотом. – Говорят, кто-то стреляет в пьяных на улице. Теперь все по своим домам да огородам сидят. Пришли, закупились и по домам. Твой брательник не первый пострадал, ну да что там говорить, вам с матерью теперь легче будет. Хоть никто не сидит на вашей шее... – он осекся и виновато посмотрел на Сашу.

– Ты так говоришь, будто не у вас в магазине они водку покупают.

– У нас, только мы здесь ни при чем, свинья – она везде грязь найдет, негде покупать будет, так эти, – он пренебрежительно кивнул в сторону улицы, – самогон гнать будут.

– Ну будут, не будут, мы не знаем, а пока они из дома все тащат, когда денег нет. – Произнеся это, Саша направился к двери, потом обернулся и добавил: – поймаю на том, что берешь у мужиков вещи, любые, хоть подштанники, хоть иконы, – пощады не жди, посажу.

– Гад, вечно лезет не в свое дело, жаль, его вместе с братом не пристрелили! – проговорил продавец, поворачиваясь к полкам с продуктами и не понижая голоса.

– Кто же по деревне так языком метет, не иначе чья-то жена, – бормотал участковый, выходя на улицу. – Пожалуй, нет худа без добра, может, наши алкаши поутихнут хоть на время, а то больно распоясались.

По дороге он решил заглянуть к Ямпольским, поговорить с Олегом Петровичем. Тот встретил Сашу на крыльце и сразу предложил чаю.

– Ты не думай, это не просто вежливость, я нынче не завтракал, заставил соседок прийти и поесть, совсем они, бедные, потерялись. А до того, чтобы и себя накормить, как-то руки не дошли. Так мы с тобой сейчас и кофе выпьем или, если хочешь, чай, и поедем, – говоря все это, Олег Петрович колдовал у плиты, одновременно следя за «туркой» и переворачивая яичницу. – Ты прости, я не спросил, может, ты не любишь яйца? Могу побольше бутербродов нарезать.

– Я вообще-то ел утром, как от брата вернулся, мать к нему сейчас опять поехала, на работе сказала – в полицию.

– Так Егор жив?

– Жив, но вы об этом никому не говорите, пусть думают, не довезли его до больницы. Боюсь, добьют, он точно что-то видел тогда, ну когда в соседей ваших стреляли. Он хоть и пьющий, но брат мой, пока не пил, мы с ним дружили, всегда меня и мать защищал от отца. Вот тот, как выпьет, злым становился, вечно драться лез, а Егор не такой, он добрый, только очень слабый, безвольный.

– Саш, вот ты мне сказал, а вдруг я и есть стрелок, вдруг я решу, твой брат для меня опасен? Не задумывался об этом?

– Олег Петрович, я хоть и деревенский, но совсем не дурак – это вообще не синонимы. Вы были первым, чье алиби проверили. Конечно, во время смерти ваших соседей у вас дома никого не было и вас никто не видел, но попытка убить Егора точно не ваших рук дело. Да и потом, в Москве совершены два убийства, только несколько дней спустя, пули и гильзы – от одного оружия. А вы тогда жили тут, во время одного из убийств, я сам к вам заходил. Мы связались с москвичами, и они нам прислали подтверждение относительно оружия. Из города уже приехал следок, решил тут поработать, все равно все эти четыре убийства объединили в одно дело.

– Кого там убили?

– Бизнесменов каких-то, между прочим, не из самых богатых, так, середнячки. Потому и возникла версия о том, что заказали их. Те погибли с разницей в несколько дней, уже после смерти ваших соседей, на данный момент ребята не смогли найти ничего объединяющего этих людей. По бизнесу они никак не пересекались, разные виды деятельности, разный образ жизни, жили в разных районах.

– А школа, институт, или еще что-то?

– Ничего, один не москвич, недавно переехал, второй хоть и ваш московский и даже в Москве родился, но в последние годы перебрался с семьей поближе к природе. В тот день он приехал на московскую квартиру, забрать некоторые вещи, пробыл там всего минут сорок, а когда сел в машину, тут его почти в упор и застрелили. Ничего, разберутся!

– А ты откуда это все знаешь? Мне казалось, участковые не участвуют в расследовании, да еще не на своей территории.

– Приятель у меня в районе работает, но если бы ваших соседей не убили или убили как-то по-другому, мне ничего и не сказали бы. А тут с московским делом связали, и пошло-поехало, я чего пришел, вы подумайте, поспрашивайте, может, что новое услышите. А еще присмотритесь к брату Клавдии Степановны, непонятный он мне человек. Знаю его чуть ли не с моего появления на свет, а понять не могу, у нее спрашивать бесполезно, не скажет, даже если что знает – промолчит. А вы тут человек довольно новый, вам можно и зайти к нему, и поговорить, короче сами придумайте, может, у вас получится его понять. А главное, не могу я никого из местных просить, у всех языки, что помело, тут же по деревне слух пойдет раз приглядывается к нему полиция, значит, не зря.

– Не переживай, он хоть и моложе меня, но мы найдем о чем поговорить, все же человек нашего, то есть моего, времени, и мышление у него формировалось в то время, в тех обстоятельствах. Ты мне немного расскажи о нем, ну чтобы понимать, с чего начать.

– Я о нем ничего не знаю, точнее, знаю только то, что знает вся деревня, я даже не знаю, куда он на несколько лет пропадал. Уехал в девятнадцать, а вернулся, ему уж далеко за тридцать было, ближе к сорока, а потом устроился работать в город, там и трудился последние несколько лет. В его анкете нет никаких сведений, и, честно говоря, не было повода делать запрос. Тетя Клава внучку ему спокойно доверяет, уезжает к дочери чуть не каждую неделю, а девочка его любит, с радостью к нему бежит. Родители его, покойные, говорили, что сын на заработки

уезжал, куда-то на север. Может, так и было, а может, и нет, но, думаю, если бы сидел, мне об этом было бы известно, и на работу он сразу бы не смог устроиться, в любом случае мой предшественник был бы в курсе.

– Интересного персонажа ты мне подсовываешь, даже самому любопытно стало. Ты ешь, ешь, зря, что ли, я у плиты стоял! Хорошо, постараюсь твою просьбу выполнить, только не обещаю сделать быстро, надо хоть повод найти для прихода в дом к человеку, которого почти не знаю.

Дальше их разговор перешел на общие темы, только тем было уж больно мало, потому Саша вскоре засобирался в участок.

В воскресенье неожиданно приехали Кузовлевы, Андрей привез все для шашлыка, даже мангал, и тут же начал готовить маринад для мяса. Дина Андреевна, поздоровавшись с хозяевами, уселась на скамейку и неожиданно уснула.

– Андрей, она не заболела, смотри, какая бледная? – Олег Петрович обеспокоенно посмотрел на спящую женщину.

– Неделя была трудная, плюс ночные дежурства, и зачем они только ей нужны! Сто раз говорил: откажись от ночных подработок, не девочка уже! А у нее один ответ: и что прикажешь дома делать? Если бы ты, Андрюша, женился, я бы с детьми помогала, а так скучно, ну не умею я без дела сидеть!

– Может, ее на второй этаж отнести, пусть поспит?

Дина зашевелилась, зевнула и пробормотала: – Я сейчас проснусь, только еще минуточку...

С некоторым трудом ее удалось оторвать от скамейки и довести до гостевой комнаты. Там женщина рухнула на кровать и, пробормотав несколько слов, которые никто не понял, заснула глубоким, спокойным сном.

– Это она, бедняга, воздуха свежего глотнула, вот и выпала из общения, – усмехнулся Андрей Андреевич, продолжая возиться с шашлыком. В калитку позвонили, и Ямпольский пошел открывать. По другую сторону забора стояла Клавдия Степановна. Увидев в саду чужого человека, она на миг стушевалась.

– Кто это у вас? Я хотела попросить перекись водорода, у брата кровь не останавливается, а у него вся кончилась, в смысле перекись, видать глубоко порезался.

– Сейчас приду, где вы живете? – протирая сонные глаза, проговорила вышедшая из дома Дина.

– Динка, ты же только что уснула, мы зачем тебя на второй этаж волокли? – Андрей недовольно посмотрел на сестру.

– Братик, не занудничай, ты забыл, в нашей семье только один врач и кандидат медицины, и это отнюдь не ты, так что закрой рот и прекрати меня опекать. – И ехидно улыбнувшись, добавила: – А ты пока шашлыком занимайся, у тебя это отлично получается.

– Сама такая! – расхохотался Андрей. – Вот она всегда так, ну какой мужик ее может выдержать! Один я, несчастный, маюсь. Рад бы с рук сбыть, но никто ей не подходит, видите ли.

Тем временем Дина Андреевна достала из автомобильной аптечки все необходимое и отправилась с соседкой к Юрию Степановичу, который сидел на крыльце, пытаясь остановить кровь, которая продолжала течь тоненькой струйкой между пальцев.

– Покажите, что у вас там? – Рассмотрев рану на ноге, Дина вопросительно посмотрела на сидящего мужчину: – Как это вы так умудрились располосовать ногу?

– Внучка неожиданно из кустов выскочила, она же маленькая еще, не понимает. Это она меня так пугала, я случайно тесак из руки и выронил, а он в ногу вонзился.

– Ничего себе, это что же надо таким здоровым ножом вырезать? – проговорила Дина, разглядывая лежащий на земле нож. На его лезвии и особенно на остром кончике была видна запекшаяся кровь. – Юрий, как вас по батюшке, не знаю, вам надо в травмпункт.

– Вот еще, чего удумали, да на мне все как на собаке заживает, проверено, – отмахнулся мужчина. – За помощь спасибо, только никуда я не поеду...

– Хорошо, – перебила его Дина Андреевна, – на сегодня оставим как есть, но если завтра покраснеет, или кровотечение возобновится, или опухнет, имейте в виду, я заставлю вас ехать в больницу. Надо будет, свяжу и отвезу насильно, вы не смотрите, что я такая тощая и мелкая, я очень сильная, не зря на «Скорой помощи» лет десять в молодости отпахала. – Она попыталась сурово посмотреть на пострадавшего, но неожиданно рассмеялась, увидев скептическое выражение и с трудом сдерживаемую улыбку на его лице. – Правда, правда, что вас так смешит и удивляет?

Он поднял на нее глаза и внезапно из деревенского простого мужика превратился в умного и жесткого человека, властного и сильного. Это продолжалось всего мгновение, но в это мгновение Дина вдруг почувствовала, как по ее спине прошла предательская дрожь, а между лопатками стало влажно.

– Хватит из себя строить «железного человека», – проворчала Клавдия Степановна и потрепала брата по волосам, – будет болеть, завтра в больницу отправишься, кто мне с внучкой будет помогать, если с тобой беда случится? А если со мной плохо? Ты вообще помнишь, сколько мне лет? Мне, между прочим, уже седьмой десяток, шестьдесят четыре года, это вам не тридцать четыре! Так что марш в постель, тут доктор написала антибиотики, которые надо пить, через час будут, жди.

Юрий Степанович поднялся и, хромая, молча пошел в дом, а Дина отметила про себя, выправка у мужчины явно военная, надо будет спросить у Ямпольских, кто он такой.

Позднее, сидя за столом и поедая великолепный шашлык, только что снятый с огня, она тихо спросила Федора, что тот думает о соседе из дома напротив.

– А кто это?

– Вы что, не знаете, о ком я говорю? И это после двух с лишним лет, пусть эпизодической, жизни здесь?

– Не знаю, нет, я, конечно, в курсе, что напротив нас живет брат Клавдии Степановны, но я даже голоса его никогда не слышал. Я ее-то знаю только потому, что она к нам заходит, ну и к соседкам теперь...

– Теперь – это когда?

– Как у Инны отца с мужем убили, так и стал невольно замечать, кто и когда к ним заходит.

Дина повернулась к брату: – И ты молчал! У вас тут такие дела творятся, а я ни сном не духом? Скажи, Андрей, вот ты работаешь в милиции...

– Полиции, – не отрываясь от мяса, поправил тот.

– Пусть так, а ты не задумывался, что ребятам может угрожать опасность? Вдруг это маньяк орудует?

– Ну какой к лешему маньяк? Это чистой воды «заказуха», и потом не я веду расследование, это вообще не должно касаться нашего отдела.

– С чего ты взял, что «заказуха»? Они бизнесом занимались или были крупными чиновниками, от которых зависят те или иные структуры?

– Сразу после убийства я по просьбе Олега навел справки, в Москве было два подобных случая, стреляли из того же оружия, что и здесь. Надеюсь, тебе этого довольно? – резко закончил Андрей Андреевич, начиная злиться и с неудовольствием поглядывая на сестру.

– Остынь, друг, Дина, ты завтра пойдешь к Юрию Степановичу? – Ямпольский повернулся к ней.

– Пойду, надо же посмотреть его ногу.

– А сейчас можешь дать ему какую-то характеристику? Какое впечатление он на тебя произвел?

– Пожалуй, двоякое, на первый взгляд обычный деревенский мужик, только лицо у него, даже не знаю, как сказать, породистое, что ли, необычное лицо. К тому же он почти не чувствителен к боли или очень терпелив. Даже ни разу не поморщился во время обработки раны, а ведь она у него довольно глубокая и должна быть очень болезненной, в этом месте, насколько я помню, нервных окончаний полно. И потом, мне в какой-то момент стало не по себе в его присутствии, будто из глаз кто-то другой, опасный, выглянул, и я испугалась. Мне показалось, в нем два человека живут, но это вряд ли имеет отношение к психиатрии. Скорее всего, у него очень сложная жизнь была в прошлом, и внутренний мир соответствует прожитому.

– Расшифруй?

– Он не таков, каким кажется на первый взгляд, сложнее и опаснее, а еще, мне показалось, он бывший военный. Ошибаюсь?

– Может, и не ошибаешься, в его биографии есть белое пятно лет эдак на пятнадцать, если не больше. За эти годы о нем ничего не известно, хотя точно известно, он не сидел, участковый знал бы об этом. А дома у него как?

– Не знаю, перевязывала я его тут же, на крыльце, сперва я даже не поняла, насколько глубоко он поранился, а потом вообще не до того было. Пожалуй, сегодня вечером еще раз зайду к нему, посмотрю, как нога.

Явившись вечером в дом соседа, Дина Андреевна застала там его сестру, которая с трудом сдерживала слезы.

– Что тут у вас? Почему такое похоронное выражение лица?

– У Юры температура поднялась, я врача вызвала, а машина по дороге сломалась, он не едет в больницу, просто не знаю, как быть.

– Сейчас я его посмотрю. – Дина прошла в дом, Юрий Степанович лежал запрокинув голову, и тяжело дышал.

– Это вы, доктор? Успокойте, пожалуйста, мою «курицу», пару дней отлежусь, и все пройдет, подняла тут панику из-за ерунды.

– Давайте я вас послушаю, температуру померяем, а там будем решать, зря она паникует или не зря. Если можете, сядьте и поднимите майку.

– Ну-ну, только не пугайтесь. – Он неожиданно легко сел и, усмехнувшись, оголил спину. Вся спина была в шрамах, под левой лопаткой два следа от пулевых ранений. – Что разглядываете? Решили мне придумать героическое прошлое? Глупости, шрамы от арматуры, повезло, не проткнула меня, только ободрала, когда в небольшой котлован свалился, а пули – это мы с приятелем на браконьеров навались в тайге, еле ноги унесли.

– Я молчу, по-моему, ничего не спрашиваю, и вы, пожалуйста, помолчите, не мешайте, – сухо проговорила Дина. Через несколько минут она повернулась к Клавдии Степановне: – Не вижу причин для беспокойства, температура не слишком высокая, хрипов нет, сердце работает нормально. На всякий случай посмотрю ногу еще раз. – И она принялась снимать бинт. Рана за последние несколько часов не стала хуже, Дине даже показалось, рана стала затягиваться, и краснота вокруг почти исчезла.

– Действительно, «как на собаке», – пробормотала женщина. Повернувшись к Клавдии Степановне, она спросила: – Мне показалось, или бинт действительно другой?

– Другой, это Юра свою мазь положил туда, он рецепт из Сибири привез, так вот ему до сих пор знакомые всякие травы оттуда присылают, а потом он уж сам «колдует». Мы этой мазью любые ранки лечим, а внучкины коленки чуть не ежедневно приходится мазать. Заживает так, будто и не было ничего.

Разговаривая, они вышли на террасу.

– Про свои шрамы он вам ничего не рассказывал? – делая вид, будто ничего не слышала, спросила Дина Андреевна.

– Так он же сказал, на арматуру упал, потом браконьеры в них стреляли. Не любит он о тех временах вспоминать, видно тяжело было, но деньги родителям он исправно посылал, и не маленькие. Отец на те деньги ему дом в этой части поселка выстроил. Они с мамой мечтали, приедет сын, женится, внуки будут, и получится у нас большая семья, а вишь, как сложилось, хорошо родители до этого не дожили. – На лице Клавдии появилось мечтательное и одновременно грустное выражение – Что это я, пойду, посмотрю внучку, когда Маруська затихает, жди проказы.

Дина Андреевна еще раз заглянула в комнату, где спал Юрий Степанович, и вновь поразились, какие у него правильные, выразительные черты лица.

На крыльце Клавдия Степановна отчитывала трехлетнюю Маруську. Девочка стояла и смотрела в пол, когда бабушка замолчала, она нетерпеливо спросила: «Все сто ли? Я тогда дасе игать поду». Дина улыбнулась и подумала: «Точно как в любимой книге моего детства: «Я, мама, слов не помню, помню только мелодию: та-та-та, та-та-та». Все дети, наверное, одинаково воспринимают нотации взрослых. Впрочем, не мне судить о том, как их надо воспитывать и что они воспринимают». Входя в калитку к Ямпольским, Дина услышала, как Олег Петрович говорит сыну:

– Нет Федя, Риту лучше пока сюда не привозить, ты же знаешь, у нее еще условное не погашено, нечего ей в здешней «криминальной» обстановке находиться. Мы сами к ней съездим.

– Все же хорошо, что судья умная попалась, настояла на условном, а эта идиотка, прокурорша, такую чушь несла, можно подумать, Маргарита Викентьевна преступление века совершила! Зачем она только с повинной пошла, никто ничего бы не узнал! В конце концов, она просто хотела работать, можно подумать ее уволили за некомпетентность, а не потому, что возраст ее кого-то не устраивал.

– Видишь ли, сынок, есть в мире довольно большое количество людей, которые не переносят лжи, вот Дубровина к ним и относится.

– Это вы про кого? Про ту старую историю с вашей знакомой? Неужели ее осудили. Ядаже гордилась тем, что у моих знакомых есть приятельница, провернувшая такую аферу. Всем рассказала, конечно, не называя имен.

– Понимаешь Дина, – задумчиво проговорил Олег Петрович – прокурорша была молодая совсем, с ее точки зрения, Маргарита не работать должна, а внуков нянчить. Для нее, для прокурорши, все. кому за шестьдесят, глубокие старики и вообще уже не совсем люди. Потому-то она и не поняла, просто не в состоянии была понять, что и в этом возрасте можно иметь много желаний, в том числе и желание работать.

– Скажешь тоже, она же не глупая, иначе не стала бы тем, кем стала.

– Вопрос спорный, знаешь, как говорят: «дураков у нас мало, но они так грамотно расставлены, что попадают на каждом шагу». – Засмеялся Андрей, подходя к ним. – Олег Петрович, мне позвонили, я отбываю в Москву, Динку мне забрать, или завтра ее кто-то отвезет?

– Отвезем, хотя можно и тут оставить, нам самим врач не помешает.

– Только что говорили умные вещи, а теперь мужской шовинизм попер. Я вам, что чemoдан? Забрать, оставить! – Дина Андреевна махнула рукой и пошла в дом, потом повернулась и крикнула с крыльца: – Андрюша, я завтра соседа посмотрю еще раз, и домой.

Проводив Кузовлева, все потянулись по своим комнатам: Стас пошел отдыхать, надеясь с завтрашнего дня начать собственное расследование, Олег Петрович уселся рисовать, и только Федор остался на крыльце, глядя на уходящее за горизонт солнце. Тишь стояла такая, какая бывает перед грозой, но на темнеющем небе не было ни облака, вдруг тишину засыпающего

поселка разорвал выстрел, потом второй, потом целая серия залпов, в небе рассыпались разноцветные огни.

– Салют совсем был лишним, кого это разбирает впустую петарды взрывать? – пробормотал раздраженно Федор и отправился в дом, чувствуя, как в нем нарастает недовольство тем человеком, что разрушил тихое очарование летнего вечера.

На следующий день Стаса разбудил шум во дворе. Вглянув в окно, он увидел, это Федор заводил машину, собираясь ехать на работу. Раздался шум открываемых ворот, потом ворота закрыли, и только парень собрался заснуть снова, решив, что пять утра рановато для подъема в отпуск, как раздался звук полицейской сирены, и мимо их дома проехала машина, немилосердно сигналя.

– Достали, – проворчал Стас, укрываясь с головой и пытаясь вернуть себе сонное состояние, но быстро понял, это ему уже сделать не удастся. В гостиной, куда он спустился, зевая и ероша волосы, собрались все, оставшиеся в доме. Впрочем, оставшихся, кроме Стаса, было всего двое: Олег Петрович, наливавший себе кофе, и Дина Андреевна, нехотя ковырявшая вилкой омлет.

– Иди умойся и приходи завтракать. – Олег Петрович подхватил свою чашку.

Когда умытый и окончательно проснувшийся парень спустился в гостиную, за столом о чем-то тихо разговаривали.

– Опять проблемы в деревне? – настороженно спросил Стас.

– Позавтракаем и узнаем, не зря же полиция пожаловала! – проговорил Олег Петрович и добавил: – Кстати, тут прислуги нет, посуду за собой сам вымой и со стола убери, мы тебя подождем.

Не доходя до дома, возле которого стояла полицейская машина, они увидели несколько человек из местных и услышали разговор на повышенных тонах. Визгливый мужской голос проклинал всех на свете, а хозяин голоса тыкал толстым пальцем в бумагу, которую держал молодой капитан:

– Это мальчишки, вы же видите, буквы из детского журнала вырезаны и криво наклеены, ни один взрослый себе такого безобразия не позволит!

– Вы хотите сказать, что и сарай ваш тоже мальчишки подожгли?

– Конечно, ну да ничего, я их по одному отловлю и выпорю – брызгая во все стороны слюной, вопил потерпевший. – А потом еще с их родителей компенсацию сдери. Я до самого губернатора дойду! – Было очевидно, идея дойти до губернатора, ему очень понравилась, и он повторил фразу несколько раз.

– Хватит орать! – капитан тоже повысил голос. – Если вы посмеете тронуть кого-либо пальцем, я вас первого посажу! Но если вы найдете какие-нибудь доказательства, – слово «найдете» капитан выделил голосом, – сразу звоните. И не вздумайте вершить самосуд, это плохо кончится в первую очередь для вас.

– Интересно, что там в записке? – Стас вытянул шею в тщетной надежде рассмотреть бумагу. В это время захлопали дверцы машины, полицейские собрались уезжать.

– Я назло этим уродам буду фейерверки запускать каждый день, пусть не думают, что могут меня запугать!

– Вот дурак! – громко проговорил капитан, последним усаживаясь в машину – Ему угрожают, чуть не спалили, а он характер показывает.

– Надеюсь, у тебя больше нет вопросов? Все это обычные деревенские разборки, тут подобное бывает. – Ямпольский посмотрел на Стаса.

День прошел без происшествий, а вечером, едва стемнело, тишину нарушили звуки петард, и небо расцвело россыпью разноцветных огней.

– Все же выполнил свою угрозу, действительно глупец, к тому же упертый. – Олег Петрович заворуженно смотрел на исчезающие в темном небе всполохи. Спать легли поздно, Стас вызвался помогать Ямпольскому с его работой над мебелью, оказалось, у парня неплохо приделаны руки и, главное, к тому месту, к какому надо. И они, проводив Дину Андреевну до автобуса, весь оставшийся день провели в сарае, где Олег Петрович оборудовал себе мастерскую. Утром, чуть только рассвело, в калитку позвонили, Олег Петрович, уже поднявшийся с постели, пошел открывать. Пришла взъерошенная Инна и тут же выпалила:

– Там этого мужика, ну который петарды запускал, ночью то ли застрелили, то ли камнем долбанули по голове, кто что говорит, нет, пожалуй, все же камнем. А его жена ничего не слышала, и дети тоже. Он ночью вышел покурить, тут его и убили. Олег Петрович, это что такое происходит, кто на нас охоту открыл?

– Успокойтесь, Инна, с вами уже все плохое произошло, полицию вызвали?

– Конечно, весь поселок гудит, жена его рыдает, дети в доме сидят, с ними соседка. Нам-то, что теперь делать?

– А вы собирайтесь с мамой Ильи и отправляйтесь в Москву. Вам тут точно нечего делать.

– Она не поедет, ей все кажется, что сына еще можно вернуть, глупость, конечно, ее врачу бы показать.

– Хорошо, пока идите домой, наверное, не стоит ее одну оставлять, я попробую что-нибудь придумать.

– Не могу я дома, свекровь как тень бродит, все в окно смотрит, на каждый шорох выскакивает на улицу. Она все еще сына ждет, бедная.

– Но ведь она была на похоронах, видела его.

– Ей все равно, она не верит, говорит о нем, как о живом, и ждет. Я уже начинаю ее бояться.

– Пожалуй, вам с ней лучше опять перебраться к нам, я сам попробую ее уговорить, она пока еще спит?

– Не знаю, но мне кажется, она теперь вообще не спит. Я как таблетки приму, так успокаиваюсь, даже спать по ночам стала, а она их совсем не пьет, думает, я этого не вижу.

– Пойдем, соберем необходимые тебе и ей вещи, и я заставлю ее прийти к нам, или уговорю, или обману, что-нибудь придумаю. Сегодня же позвоню знакомому психиатру, пусть посмотрит ее, может ей лучше в больнице полежать. – Быстро накинув на себя легкую ветровку, ночь была холодная, и с утра солнце еще не успело согреть воздух, Олег Петрович вышел за калитку и в сопровождении Инны направился к ней. Наталья Игоревна сидела в саду и смотрела на калитку, в ее лице столь явно читалось ожидание, что Ямпольский невольно замедлил шаг и оглянулся, показалось, тот, кого она ждет, уже подходит к дому. За спиной никого не было, как и следовало ожидать. На их появление женщина не обратила никакого внимания.

– Она хоть что-то ест?

– Только если я ее подведу к столу и насильно заставлю съесть хотя бы кусок хлеба. В таком состоянии она со дня похорон, вы же видели. Со мной не разговаривает, ходит до калитки и обратно, так весь день, пока я, вечером, не отведу ее в комнату, а утром заставляю встать с кровати и выйти в кухню. И с каждым днем она все больше уходит от реальности. А мне тоже тяжело, я всех потеряла! – всхлипнув, проговорила Инна и неожиданно разрыдалась.

– Инна, девочка, теперь можно только терпеть и ждать, когда найдут преступника. – Олег Петрович погладил ее по голове в попытке успокоить. – Хотя по себе знаю, это может продолжаться годами, и когда наступает полная ясность, легче все равно не становится, только со временем боль притупляется. Сегодня же позвоню доктору, пусть приедет и осмотрит Наталью Игоревну, боюсь, ее придется временно поместить в больницу. Ты иди за вещами, а я посижу с ней.

Неожиданно женщина заговорила: – Я никуда не пойду, Илюша меня не найдет, и если мы уйдем, кто ему скажет, где мы?

– Мы записку оставим, – Олег Петрович решил не спорить с ней. – Прямо к калитке ее прикрепим.

Подошла Инна с вещами, Ямпольский написал ненужную записку, и они пошли к нему в дом. За те несколько минут, что они шли от одной калитки к другой, Наталья Игоревна дважды возвращалась и проверяла, насколько хорошо держится записка. К их приходу Стас уже переоделся в рабочую одежду, теперь он орудовал на кухне, готовя нехитрый холостяцкий завтрак для вновь пришедших.

– Стас, принимай гостей, жизнь показала, что одни они совсем не справляются. – Олег Петрович раздраженно ходил по кухне. – Я, старый идиот, должен был понимать, каково двум женщинам после таких потерь! Решил, дома им будет лучше, как же! Короче, пока они поживут у нас, и не возражайте! – прикрикнул он на Инну, открывшую было рот.

– Да я и не собиралась, я только хотела сказать, Наталья Игоревна опять пошла к себе, вон она пытается вашу калитку открыть.

– Сейчас я ее верну. – Стас бросился вслед за женщиной. Прошло минут двадцать, а они все стояли у калитки, и было видно, как он что-то ей говорил, наконец парень не выдержал, обнял Наталью Игоревну за плечи, и она, неожиданно покорно, пошла с ним. К вечеру стало ясно, сами они точно не справятся, Наталья Игоревна стала беспокойной, она без конца задавала одни и те же вопросы, которые сводились к одной теме, когда же придет ее сын. Олег Петрович, жалея несчастную мать, отыскал телефон знакомого психиатра и попросил того либо приехать, либо, что еще лучше, дать адрес хорошей клиники, куда он намеревался поместить Наталью Игоревну, пока та не придет в себя.

Павловская Слобода.

Маргарита Дубровина сидела на улице возле своего дома и, перебирая пакетики с семенами, раздумывала, что и куда ей посадить. В этом году она решила заняться участком и распланировать его несколько по-другому. Когда она проектировала дом, то ей очень нравились и старые яблони, росшие на участке, и заросли сирени вдоль забора, и то, что первые годы ей оставалось только косить траву на тех местах, где не было дорожек. Но теперь, по прошествии нескольких лет, ей захотелось свой участок сделать иным. В последние две недели заказчиков у нее не было, со всеми прежними она рассчиталась, сдав им проекты, и оставался только авторский надзор, но он не занимал всего ее времени. Будучи архитектором, Маргарита долгое время была уверена, что, как только позволят обстоятельства, она забудет о своей профессии и посвятит оставшееся ей время жизни живописи или рисунку. Но вот обстоятельства позволили, денег у нее достаточно, а перестать заниматься тем, чем занималась всю сознательную жизнь, она не может. Скучно, если нет заказов на проекты, и рисовать не хочется. Именно поэтому, пока новых заказчиков не появилось, ей и пришла в голову идея переделать свой участок, сохранив старые яблони и сирень. От размышлений ее оторвал звонок телефона, на том конце раздался взволнованный голос Анны Ивановны, матери Ксении, и по совместительству подруги Маргариты. С Маргаритой они подружились благодаря дочери и с момента знакомства постоянно созванивались. Анна Ивановна была на несколько лет старше Марго и появилась в ее жизни почти случайно.

– Рита, у Ксюши беда, ее Боря в реанимации. Не знаю, в курсе ли Елизавета Сергеевна, а если она еще не знает, то тебе виднее, как ей об этом сказать. Борова мама думает, что они на Байкал едут. Ксения с Елизаветой, кажется не созванивались, но ведь ей могли позвонить из больницы, короче я в растерянности.

– Они что, в ДТП попали? А где малышка, с ней все в порядке? Да не молчи ты! – Маргарита разволновалась, у нее даже голос стал хриплым.

– Пострадал только Боря, в него кто-то стрелял, к счастью не в голову, но пуля прошла через легкое, и он потерял много крови, теперь вот в реанимации. Он несколько раз приходил в себя и передал через медсестру, чтобы его маме ничего не сообщали, но ты же знаешь наших медиков! Они обязательно все сделают наоборот.

– Скорее это не они, а полиция, ранение – это тебе не шутки, тут впору не Бориным друзьям и не вам с Ксюшей разбираться, дело-то серьезное. Его уже допрашивали?

– Пытались, только он пока не может больше одной-двух фраз произнести, в забытьи впадает, слабый очень. Ксюша постоянно около двери сидит, на нее смотреть страшно, так осунулась.

– Слушай, Аня, а давай ты ко мне приедешь с внучкой, тебе одной там трудно.

– Спасибо, я, честно говоря, рассчитывала на твое приглашение, даже решила сама попроситься, если ты не догадаешься. – В голосе Анны Ивановны прозвучало явное облегчение, а Марго подумала, что ее приятельница, очевидно, стеснялась ужасно, и если уж отважилась позвонить, значит, и правда «припекло». Повторив еще раз свое приглашение и получив заверения, что они прекрасно доберутся без ее помощи, женщина задумалась. После той недавней истории, когда им пришлось участвовать в распутывании двух убийств, одно из которых было совершено много лет назад человеком, для Маргариты не чужим, она стала интересоваться криминальными новостями. Правда, это занятие продолжалось совсем недолго, уж больно много всякой пакости ей пришлось услышать в СМИ на эту тему. Через пару месяцев она не стала больше слушать никаких криминальных новостей, решив, так и параноиком, которому везде враги мерещатся, недолго стать, но тут дело касалось близких друзей. Женщина набрала мобильный номер Ксении, та ответила сразу, по голосу было слышно, как страшно она устала.

– Как Боря? – сразу спросила Марго – Ты мне скажи, могу ли я тебя сегодня подменить? Его, кстати, охраняют?

– Рит, ну о чем ты говоришь, кто его будет охранять? Кроме меня, тут никого нет, а я боюсь даже в туалет отойти, дошла до того, что врачам под маски заглядываю, к счастью только один в ней постоянно появляется, боится чего-то, остальных я уже знаю в лицо, они маски натягивают, только входя в отделение, сестры тоже.

– Ну и почему ты мне не позвонила? Ты же знаешь, я всегда могу помочь.

– Я вообще плохо соображаю последние дни, сперва никак не могла прийти в себя, представь, утром за нами с дочкой должен был Боря заехать, и вдруг звонок из больницы, звонок на мой номер, он у него в телефоне последний, потому они мне и позвонили. Я чуть в пижаме не убежала, хорошо, мама остановила, заставила переодеться и поесть.

– Давай я сейчас приеду, ты мне все расскажешь, а потом поедешь спать. Не волнуйся, ты же знаешь, я хоть и не молодая, но сил пока достаточно, подежурю, чужих не пущу, тете Лизе ничего не скажу, хотя если ее предупредить, то Борина мама не узнает ничего.

– Она уже звонила, но я ей ответила, что пока мы в дороге и Боря не может говорить.

– Ладно, это потом, диктуй адрес больницы, я выезжаю.

Через некоторое время, когда Марго подъезжала к больнице, ей позвонил Олег Петрович. Услышав неприятные новости, он постарался выяснить подробности, но Марго и сама мало что знала.

– Я сегодня тебе перезвоню, Олег. Как только станет чуть более понятно, что же там в итоге произошло.

– Буду ждать, у нас тут тоже не все просто, потом расскажу.

Вид у Ксении был совершенно измученный, как Марго поняла, молодая женщина не спала уже двое суток.

– Сейчас ты отправишься домой, выспишься и отвезешь маму с дочкой ко мне. Потом сменишь меня, но не раньше завтрашнего дня, а я за это время постараюсь хоть что-то выяснить.

– Спасибо, Ритуля, но боюсь, тебе не у кого выяснять, если только Олегу Петровичу позвонить и попросить связаться с тем его знакомым, который тогда, давно, помогал.

– Именно это я и собиралась сделать, а теперь иди, Ксюша, поспи, Боре ты пока не поможешь, а себя «загонишь». Ты ему здоровая нужна, и, между прочим, не только ему!

Глядя вслед бредущей по коридору Ксении, Марго думала о том, какими извилистыми путями идет наша жизнь. Три с половиной года назад она даже не подозревала о существовании всех тех людей, без которых теперь не представляла своей жизни. Тогда она была измучена борьбой с вечными проблемами, которые, казалось, были со всех сторон. Она была настолько поглощена попытками их решить, что даже не задумывалась о своем будущем, и уж точно не ждала от него ничего хорошего. А потом все изменилось настолько, что первое время Марго непроизвольно внутренне сжималась, ожидая очередного удара судьбы. Но судьба сжалась над ней, и хотя были и потери, куда же без них, но все они были не слишком болезненными. Теперь у нее была уверенность в том, что все будет так, как она сама захочет, а значит – хорошо.

– Ксюша, – вполголоса позвала она готовую выйти на лестницу подругу, – ты не переживай, когда Боря придет в себя, я тебе сразу позвоню и ты приедешь. – Усевшись в удобное кресло, Марго набрала номер Олега Ямпольского.

– Здравствуй еще раз, скажи, ты сможешь позвонить знакомому, который в полиции работает, тут у Ксюхи беда, может, он по своим каналам разузнает хоть что-то. Я отправила девочку спать, она, бедная, аж шатается от усталости и переживаний, пока я подежурю возле Бориной палаты, а как придет в себя окончательно, думаю, его постараются расспросить. Знаю только то, что в него стреляли, а кто и зачем, совсем не понятно. Мне всегда казалось, он очень порядочный парень.

– Может, потому и стреляли? Непорядочные все больше сами стреляют!

– Умеешь ты, Олег, успокоить, тебя послушать, так надо в простыню завернуться и ползти в сторону кладбища или становиться подонком.

– Прости, у нас тут тоже двойное убийство, потом еще одного мужика убили и на одного алкаша покушались, короче, не соскучишься. А ты обратила внимание, мы оба с тобой весьма сумбурно обменялись новостями? Наша информация была без начала и без конца, интересно, это старческое или от переизбытка эмоций?

– Ну тебя, я столько обо всем об этом думала, что у меня создалось впечатление, будто о ранении Бори должны знать все, вот и говорю так, словно ты в курсе событий. Прости.

– Не обижайся, Рита, я в том же положении, Андрею я, конечно, позвоню и что смогу, узнаю. А ты знаешь, из чего в него стреляли?

– Ничего я не знаю, Ксюшина мама позвонила только сегодня, а Боря уже не первые сутки в реанимации. Когда приехала в больницу, Ксения была в таком состоянии, что я не стала у нее ничего спрашивать, отдохнет, сама расскажет. Что там у вас происходит? Надеюсь, что тебя и Федора это никак не касается?

Олег Петрович вкратце рассказал о своих соседях и о том, что вообще случилось в последнее время.

– Ничего себе, будто рок какой-то, и как бедные женщины все это переживают?

– С трудом, мать Ильи увезли в больницу, Инна тоже близка к этому. Я как могу помогаю, но ведь мертвых не вернешь. Хватит о грустном, тут у меня Стас гостит, он, по-моему, решил сам расследовать дело, я ему пытаюсь объяснить, что профессионалы быстрее и лучше во всем разберутся, но ты же его знаешь, упертый, ни за что от своей идеи не откажется.

Поговорив еще немного и договорившись созвониться вечером, они распрощались. В коридор реанимации кто-то заглянул, Марго подняла голову в надежде, что это врач, но дверь

закрылась, и женщина решила, это чьи-то родственники ищут врача. Потянувшись всем телом, она встала, поднялась на пальцы ног, затем резко опустилась на пятки; повторив это упражнение несколько раз, Марго пошла по коридору, но он был коротким, и ей пришлось повернуть назад. Когда она поворачивала, то опять слышала, как открывается дверь, но снова не увидела того, кто заходил.

Оживленно тут, однако, – пробормотала себе под нос женщина и поспешила выглянуть наружу, все, что ей удалось увидеть, был край белого халата, мелькнувший у выхода на лестницу. Через некоторое время в коридоре появились двое молодых людей в сопровождении врача.

– Вы к кому? – Голос у врача был скрипучий, на лице явно читалась брезгливость. Марго как могла коротко объяснила, кто она и что тут делает.

– Оставайтесь, он не звал? И где, черт возьми, медсестра? Она должна постоянно тут быть! Когда эта фря появится, скажите, чтобы зашла в ординаторскую, – проговорил врач, не глядя на Марго, а когда повернулся к двум мужчинам, сопровождавшим его, на лице заиграла такая искренняя улыбка, что Дубровина остолбенела, перед ней стоял совсем другой человек, доброжелательный и внимательный доктор, к которому хотелось обратиться за помощью.

– Если хотите его допросить, то придется подождать, он не сможет внятно разговаривать. Пока больной приходит в себя лишь на несколько минут, но думаю, к вечеру ему станет легче, – говорил врач, сопровождая свои слова мягкой улыбкой. Двое, вошедшие с ним, синхронно кивнули головами и вышли из помещения. Марго наблюдала за ними с неподдельным интересом. На лице врача опять появилась брезгливая гримаса, и он вышел вслед за парой полицейских, не взглянув на сидящую женщину.

«Просто какой-то хамелеон», – подумала Марго о враче и тут же отвлеклась на влетевшую как ураган медицинскую сестру. Та прошла в палату, что-то поправила на аппаратуре у лежащего рядом с Борисом старика, проверила капельницы и, напустив на себя чрезвычайно деловой вид, уселась за стол, сосредоточенно перебирая лежащие там документы. Все это Марго наблюдала через застекленную перегородку, отделявшую коридор реанимации от палат. В кармане тихо завибрировал телефон, это немного пришедшая в себя Ксения интересовалась, не очнулся ли Боря, не стало ли ему хуже, и так далее. Успокоив подругу, Марго приготовилась к долгому ожиданию. Через стекло она увидела, как Борис пошевелил правой рукой и слегка застонал, неожиданно он открыл глаза и посмотрел прямо на сидящую по ту сторону стекла Маргариту. Взгляд был вполне осмысленный, внимательный.

Маргариту к очнувшемуся Борису не пустили, да она и не слишком рвалась, только попросила передать, что Ксению она отправила немного отдохнуть и пока ее замещает. Борис помахал ей рукой через стекло, если слабое движение пальцев можно так назвать, и даже попытался улыбнуться. Через некоторое время появился какой-то чужой мужчина в сопровождении врача, это был совсем новый человек, и потому Марго встала ему навстречу:

– Вы кто? – Тон вопроса был агрессивным против ее воли.

– А вы кто? – Мужчина смотрел прямо ей в глаза с усмешкой.

– Я охраняю этого человека, я подруга его жены.

– А я следователь, теперь занимаюсь этим делом. Вот пришел с лечащим врачом.

– Почему его не охраняют, в него же стреляли? Мы боимся, что его еще раз попытаются убить.

– А с чего вы решили, что его не охраняют?

– С того, что я совсем легко прошла сюда, меня даже никто не спросил, какого лешего я вломила в реанимацию и сижу тут. А его жена тут целых двое суток просидела, боясь отойти даже в туалет. – Голос Марго становился все более раздраженным. Мужчина повернулся к

врачу, вопросительно глядя на того. Врач покраснел и обратился к медсестре, сидевшей за столом:

– Будьте любезны, после смены зайдите ко мне в ординаторскую, я уже вам об этом напоминал, – проговорил он сквозь зубы.

– Все из-за вас, делай после этого людям добро! – прошипела медсестра, с неприязнью глядя на Марго – Выйдите, и если уж так хотите, сидите по ту сторону двери, а тут реанимация, сюда нельзя.

Маргарита покорно направилась к двери, про себя ругая собственный язык: и чего бы ей не промолчать! А если придет настоящий преступник, как она узнает? И, главное, что делать в этом случае, ее сил не хватит для сопротивления, толку от нее не много, особенно тут, где она не видит ничего, кроме пластиковой двери, отделяющей реанимацию от общего коридора.

Дождавшись следователя, вышедшего минут через пятнадцать, Марго подошла к нему.

– Скажите, как правильно поступить? Я не могу уйти не только потому, что обещала подруге ее дождаться, но и потому, что Бориса не охраняют. Как, скажите на милость, я могу его оставить?

– Давайте по порядку, во-первых, когда его увозили с места происшествия, его по ошибке накрыли целиком, его должны были принять за мертвого, во-вторых, когда привезли сюда, не сразу нашли документы, и он тут оформлен не под своей фамилией, а когда разобрались, то решили ничего не менять. Как итог, никто не знает настоящего имени пациента, лежащего в реанимации, кроме его доктора, естественно, ну и вас, его близких. Так что если даже начнут обзванивать больницы и искать этого человека, это ни к чему не приведет.

– Скажите, а почему в него стреляли?

– Он молчит, говорит о чем угодно, но этот вопрос обходит. Хотя я допускаю, что он просто не знает на него ответа. Впрочем, когда он придет в себя окончательно, то поймет, лучше поделиться с нами, чем подставляться под пули, может быть к тому времени у него появятся предположения, кто и зачем в него стрелял.

Распровавшись, следователь ушел, а Марго осталась сидеть и ждать Ксению. Из реанимационного отделения выглянула медсестра. Увидев сидящую Маргариту, она проговорила: – Вы на меня не обижайтесь, и на доктора тоже, от него месяц назад жена ушла. До этого он нормальный был, это теперь он на всех кидается, а раньше шутил, веселый был. Так что извините нас, но в реанимации и правда нельзя находиться. Я вашу подругу пожалела, она такая растерянная была, не смогла я ей отказать. Теперь все будет хорошо, вам тут не обязательно находиться.

– Спасибо, что все это сказали, но я пока посижу тут, а вечером ей позвоню и расскажу, как обстоят дела. Может, еще немного здесь побуду, да и правда уеду, а может, и останусь до завтра.

Завидово.

Федор приехал к отцу накануне вечером, сегодня он надумал съездить в Сергиев Посад, благо была суббота. Поскольку ему не хотелось искать место для парковки в городе, он решил ехать на электричке, а машину оставить где-нибудь недалеко от платформы, чтобы вечером быстро добраться до дома. Всего-то две остановки, и можно выходить, автобусом выходило значительно дольше. Ехал он с мыслью, что ему надоело фантазировать на тему, кто, кого и за что убивает, в конце концов он архитектор, у него полно своих проблем, надо готовиться к выставке, которая будет довольно скоро, да и работу никто не отменял. Одно дело – подготовить материал по уже готовому проекту и красиво его подать, и совсем другое – спроектировать новый объект, да еще работать с коллективом, где подавляющее большинство – женщины. А у них вечные взаимные недовольства, вроде все тихо и мирно, но это пока глубже не копнешь. Вот это-то и есть самое трудное, не «копнуть глубже». Федор относился к современному типу

руководителей, его нисколько не интересовали отношения внутри мастерской, главное, чтобы работа была выполнена хорошо и в срок. Подъезжая к городу, он решил сперва наведаться в Лавру, где не был с прошлого года, потом побродить по городу и под конец зайти в магазин возле вокзала, купить что-нибудь на ужин. На выходе из вагона он замешкался и, когда огляделся вокруг, увидел практически пустой перрон.

– Эй, мужчина, помогите, пожалуйста, я не могу ее поднять! – Федор огляделся и увидел парнишку, который почти лежал на асфальте, опустив руки к рельсам, и что-то пытался вытащить из-под платформы. Парень обращался к нему, и Федор не мог не помочь. Подойдя, он встал на колени рядом и тут понял, в чем дело. Под платформой торчала железная арматура, крупная собака каким-то образом умудрилась насадить на этот прут кожу. Железяка торчала из бока животного, собака мелко дрожала, но не издавала ни звука. Парнишка пытался вытащить несчастную вверх, освободив ее, но у него не хватало сил. Не раздумывая, Федор спустился на рельсы и, подложив под живот собаки обе руки, поднял ее. Собака завизжала, стала вырываться, но силы были не равны. Парень принял животное на руки и тут же опустился опять на асфальт.

– Тяжелая, – проговорил он, – не удержу. Сама поди не сможет идти, вон весь бок в крови, хоть «Скорую» вызывай.

– Твоя? – Федор выбрался наверх и, отряхивая грязные джинсы, кивнул в сторону пострадавшей зверюги.

– Не, иду, слышу, как плачет кто-то, посмотрела, а там она.

– Ты девочка, что ли? – наконец Федор внимательно посмотрел на стоящую на коленях – Прости, я тебя за пацана принял, – проговорил молодой человек. – Давай уж помогу тебе дотащить ее до клиники, где тут у вас «айболиты» обитают?

Пока добирались до ближайшей ветеринарной лечебницы, он успел рассмотреть свою попутчицу. Девушка была тонкая и какая-то вся ломкая, казалось, посильнее ветер подует, и она переломится пополам.

«Интересно, где продается одежда такого размера», – Федор усмехнулся про себя, но, очевидно, на его лице отразилась эта усмешка, потому что девушка неожиданно проговорила:

– Вы не думайте, я сама заплачу врачам, мне просто ее не поднять, больно большая, она, наверное, раза в два больше меня весит. – И подумав, добавила: – А вообще я уже вполне взрослый человек, только выгляжу молодо, можно сказать по-детски.

– И сколько же вам лет, взрослое дитя?

– Двадцать пять, я в балетной школе работаю, с младшими учениками. А тут, в Сергеевом Посаде, отпуск у деда провожу, а вы откуда, местный или москвич?

– А где в Москве вы работаете? – не слыша ее вопроса, проговорил парень.

– При «Большом» есть балетная школа, она на Второй Фрунзенской находится, там я и работаю. Наша школа еще при Екатерине Второй появилась, аж в 1773 году, кажется, а вот вы мне так и не ответили.

– Я на Брестской работаю, в частной мастерской, впрочем, теперь государственных и не осталось.

– А кем вы там работаете?

Федор хотел сказать правду, но язык сам проговорил: – Охранником я работаю, сутки через трое.

– Все вы врете, не хотите говорить, и не надо. – Девушка улыбнулась и показала рукой: – Нам сюда, спасибо вам большое, дальше я сама.

– Ну уж нет, вместе спасали, вместе и с врачом будем говорить, и потом, куда вы ее денете? Ваш дед, наверно с ума сойдет, увидев это чудовище...

Договорить он не успел, на крыльцо вышел высоченный пожилой человек и пророкотал: – Сашка, ты кого мне тут притащила? Опять подобрала животину, я вот как выпорю тебя однажды!

– Не выпорешь, деда, ты уж сколько обещаешь! И вообще не ворчи, ты же знаешь, не могу я бросить собаку погибать, не переживай, пристроим, вот вылечишь, и пристроим.

Федор во все глаза смотрел на огромного дядьку с низким голосом и думал: «Как у него может быть такая маленькая и изящная внучка? У него одна ладонь размером с ее спину, выдает, однако, природа чудеса! Интересно, какие у нее родители?»

Врач легко принял собаку из рук Федора и понес в клинику.

– Бедная, ей, наверное, очень страшно, – усаживаясь на неудобный стул, пробормотала Саша, – Ну да ничего, дед ее быстро заштопает, пару дней полежит после операции, и я заберу ее домой.

– У вас дома наверняка целый зверинец? А почему вы сказали «она», я не заметил, девочка это или мальчик.

– К собакам понятия «девочка и мальчик» не относятся, это либо сука, либо кобель. Меня сперва тоже от этих слов коробило, – видя выражение лица Федора, проговорила девушка, – а потом я привыкла, это правильные названия пола собак.

В это время из кабинета вынесли пса, животное было под наркозом, глаза были приоткрыты, а язык торчал между зубами, придавая собаке хулиганское выражение.

– Ну посмотрите на нее, разве можно не полюбить такую забавную морду, она совсем не страшная, ее просто надо отмыть от грязи и крови, и будет чудесный пес.

– Знаете, Саша, а вы специалист по впариванию гражданам бездомных животных, – улыбнулся Федор. – Вы так и не ответили, сколько же у вас дома собак.

– Только одна, и еще кошка, у меня квартира маленькая, а животным тоже пространство для жизни нужно.

– А где вы живете, если это не секрет?

– Вам зачем?

– Не бойтесь, надоедать не буду, я спросил без всякой цели, для поддержания разговора.

– Жаль, а я-то понадеялась, – рассмеялась девушка. – Федор, спасибо вам большое за помощь, но вы вовсе не обязаны тут сидеть со мной, тем более что собаку прооперировали и мы больше ничем не можем ей помочь. Я сижу, жду деда, хочу вместе с ним пообедать и просто поболтать. Живу у него, а его почти не вижу.

– Вы правы, – проговорил Федор, – но все же оставьте свой номер телефона, может, я сумею найти для нее хозяев. Заодно спросите у деда, сколько ей лет, она уже вполне взрослая, может, мой отец согласится приютить зверюгу. Я сейчас поеду, а вечером позвоню, если позволите.

– И кстати, из вас охранник, как из меня штангист, – неожиданно проговорила девушка. – Хотите сохранять инкогнито, ваше право, но тогда нечего рассчитывать на откровенность собеседника.

Казалось, Саша вдруг не на шутку рассердилась: – У вас только ботинки стоят столько, сколько охранник получает в месяц.

– Ну простите меня, я так просто ляпнул, я архитектор и работаю действительно в частной мастерской. И действительно хочу пристроить собаку, хотя с вами мне было бы приятно продолжить знакомство независимо от собаки, вот это вся правда, честное слово. И, между прочим, наш институт тоже имеет историю, может, не такую впечатляющую, но тем не менее. Так вы простите меня за маленький обман?

– Хорошо, только и вы меня простите, вспыхнула из-за ерунды. Записывайте... – Саша продиктовала номер телефона.

Вечером Федор сидел у себя дома и рассматривал рисунки, которые сделал днем, гуляя по Лавре. Мысли постоянно возвращались к утреннему происшествию. Увидев, что время на часах приближается к критическому, когда звонить малознакомому человеку уже неловко, он достал мобильник и набрал номер Саши. Ему никто не ответил, после шестого гудка Федор отключился и решил перезвонить завтра с утра. Темнело пока еще поздно, и ошалевшие от длинного дня птицы никак не хотели умолкать. Во многих домах стали зажигать свет, в доме напротив, где жил Юрий Степанович, было сквозь занавеску видно, как хозяин, прихрамывая, бродит по комнате, вот он вышел на террасу, потом на улицу, закурил и тяжело опустился на ступеньки крыльца.

«Пойти, познакомиться, что ли», – подумал Федор, но предлог для беседы никак не придумывался. Тем не менее, он вышел из калитки и, насвистывая какой-то старый шлягер, направился к дому напротив.

– Хозяин! – негромко проговорил он. – К вам можно?

– Можно, ко мне всегда можно, – поднимаясь, и стараясь перенести тяжесть тела на здоровую ногу, ответил Юрий Степанович. Федор вошел во двор и огляделся, он впервые зашел к кому-то из местных, и ему было интересно посмотреть, как живут люди. Хозяин дома вопросительно смотрел на гостя, сделал шаг тому навстречу, но подвела больная нога, он неожиданно пошатнулся и протянул руку, схватиться за перила крыльца, в ту же секунду рядом оказался Федор и помог Юрию Степановичу удержаться.

– Хорошая у тебя, парень, реакция, служил где?

– В Чечне. – неожиданно ответил гость.

– Воевал?

– Немного, я только во вторую кампанию попал.

– Ну садись, ты чего хотел или так просто зашел поболтать? Только я ведь плохой собеседник, тем более для человека с твоим образованием.

– Вы про образование откуда знаете?

– Так деревня тут, все и все друг про друга знают. Даже про то, что вы утром собаку на пару с пацаном из-под платформы вытаскивали. Не пугайся, за тобой я не следил. Тебя женщина с нашей улицы видела.

– Да, – задумчиво проговорил Федор, – действительно «все и про всех». – Неожиданно решившись, он спросил: – Ну а если всем известны чужие секреты, так, может, вы догадываетесь, за какие такие грехи наших соседей убили?

– Не просто догадываюсь, а знаю почти наверняка, только не знаю, кто. Из-за них два года назад много народу погибло, а еще больше без крыши над головой осталось.

– Как это? – На лице парня было искреннее недоумение, он, конечно, слышал о пожаре в соседней деревне и о том, что там много народу погибло, поскольку загорелось поздно вечером, почти ночью, не все смогли выбраться, а стояла сушь, да еще и ветер разнес огонь по всей деревне, но эта причина ему даже в голову не приходила, не специально же они подожгли.

– Пьяные они были оба, решили траву вокруг дома жечь, вот и сожгли, да не только траву! У нас многие пьют, как совхоз развалили, так и пьют, уж второе поколение алкашей подросло, старшие почти все померли, а эти двое непьющие были, но перед пожаром, недели за две, Инна с Ильей поженились, тесть с зятем налаживали теплые отношения, ну и случилась беда.

– То есть вы хотите сказать, что им отомстил кто-то из тех, чьи родные погибли?

– Я просто этого не исключаю, хотя причины могут быть любые, я их почти не знал. А вообще это не мое дело, раз убили, значит, была веская причина. У нас либо спьяну могут убить, либо тех, кто здорово виноват. Вообще народ тут мирный, максимум морды друг другу набьют, а на следующий день уж и не помнят за что.

– Очень соседки наши переживают, мать Ильи в больницу отправили, а Иннина мама умерла вслед за мужем, даже суток не прожила.

– Давай, парень, так, я тебе ничего рассказать не могу, поскольку не знаю. Если пришел просто поговорить, это одно, а что-то выведать у меня, так вот тебе Бог, а вот порог, – неожиданно проговорил Юрий Степанович и, повернувшись к Федору спиной, хромая, пошел в дом.

– Ну так что, ты в гости пришел или выведать что-то? – спросил хозяин, не поворачиваясь. – Если в гости – заходи, а нет, так иди себе, куда шел.

Смутившись, Федор потоптался у крыльца, потом развернулся и вышел в калитку.

– Ты не обижайся! – крикнул ему вслед Юрий Степанович. – Заходи, коль скучно будет. – И тихо добавил: – В конце концов, мы во многом похожи.

– Да уж, с нашим соседом напротив говорить надо очень осторожно, – вернувшись к себе, прокомментировал Федор отцу. – Он неожиданно начинает раздражаться и почти посылает по известному адресу. Знаешь, пап, вначале говорили спокойно, а как зашла речь о смерти наших соседей, так он очень быстро свернул разговор и практически выставил меня вон. Похоже, за этим что-то стоит. Ты не разговаривал с Кузовлевым?

– Позвоню сегодня, он пока ничего нового не сообщал, ты больше к Юрию не ходи, нас эта история не касается, пусть сами разбираются.

– Интересно все же, в чем тут дело. Как думаешь, узнаем когда-нибудь?

– Конечно, узнаем, это же деревня, тут информация, что вода через решето, просачивается.

Утром Федор вновь набрал Сашин номер, и вновь ему ответили только длинные гудки. Отключившись, он решил пройтись по улице, пока не стало слишком жарко. Заодно ему хотелось подумать в одиночестве: накануне, когда он был у соседа в гостях, что-то задело его, и теперь он пытался вспомнить, в какой именно момент возникло чувство, что в их разговоре было упущено нечто важное, а может, ему так только показалось. Побывать одному Федору так и не удалось, у калитки он столкнулся со Стасом, который возвращался с утренней пробежки. После случившегося два с лишним года назад Стас стал каждое утро бегать и тут, в деревне, не изменил своей привычке.

– С пробежки? – Федор не терял надежды остаться одному и потому постарался пройти мимо приятеля.

– Почти, заодно узнал у нашего участкового, как чувствует себя его брат.

– Ты бегал в соседнюю часть деревни? – заинтересовался Федор. – И что он тебе ответил?

– Мать, говорит, каждый день к нему ездит после работы, он пришел в себя, только ничего не помнит, пьяный был. У него алкоголь, с одной стороны, отбил память, а травма головы окончательно добила и без того слабый мозг. Так, по крайней мере, я понял. Саша не стеснялся в выражениях, говоря о брате.

– Так он вроде его любил, или я путаю.

– И сейчас любит, только пьянства не может простить, вот и ругается. Для него жизнь разделилась на две части: одна, когда они с братом были вместе и тот заменял ему вечно пьяного отца, и другая, когда брат перестал быть нормальным человеком и постепенно превратился в такое же, как отец, вечно пьяное нечто.

– Пойдем, походим, заодно отдышишься, – изменил свое решение Федор. Посмотрев на Стаса, он отчетливо видел, тому не терпится поделиться своими наблюдениями. Для себя он решил: в разговоре с другом, возможно, и правда что-то прояснится. Так бывает, какая-либо фраза, даже не относящаяся вроде к делу, может привести на нужную мысль.

Через пару часов они вернулись, и Федор стал собираться на работу. Стас же, как человек временно свободный, надумал посетить ближайший магазин и поболтать с продавщицей. Он проверил сарай, нет ли там Олега Петровича, и, не найдя его, решил отправиться по своим делам, ничего не говоря хозяину.

– Не страшно, что я его не нашел, – рассуждал парень, шагая в сторону магазина. – Позвоню оттуда, узнаю, чего купить.

Разговор с приятелем навел Стаса на интересные мысли. Федор несколько раз повторил, что сосед произвел на него двойное впечатление. С одной стороны тот казался простым деревенским мужиком, непьющим, серьезным, работающим, и в то же время в этом Юрии Степановиче проглядывало что-то другое, притягательное и одновременно опасное. Будто тот был гораздо умнее и образованнее, чем хотел казаться.

– Надо будет с соседом познакомиться поближе, Федька – парень наблюдательный, он не будет просто так говорить, если бы он не увидел этой двойственности, то и не стал бы обсуждать эту тему. И Дина Андреевна то же самое говорила, действительно надо бы узнать о соседе как можно больше, – решил Стас.

Возле магазина сидели несколько пьяных, совершенно опустившихся мужиков и выясняли друг у друга, когда похороны Егора. Судя по тому, как они рассуждали на эту тему, у Стаса сложилось впечатление, что их не сами похороны интересуют, а поминки после них и возможность выпить на этих поминках.

– Ты это, ты им сосед, так не забудь нас предупредить, как тело привезут – говорил самый трезвый и молодой своему соседу. Тот сидел, опустив голову и бессмысленно глядя в землю, иногда он бормотал нечто невразумительное, иногда вскидывал голову, но попытки ее удерживать в вертикальном положении ни к чему не приводили. Не дождавшись ответа от товарища, молодой с вызовом посмотрел вокруг, и его взгляд уперся в Стаса.

– Эй, парень, чего уставился, в рыло хочешь?

Стас поспешно вошел в магазин, ему не было страшно, просто противно и унижительно, не хватало только оказаться участником пьяной потасовки.

– Пристают? Ты внимания не обращай, этот как чуть выпьет, его всегда тянет кулаками помахать, и в кого он только пошел? – проговорила приветливо продавщица и ловко бросила на весы здоровый кусок сыра. Пожилая женщина, для которой предназначался сыр, собрала покупки, вышла из магазина и подошла к сидящим на лавочке мужикам. Что-то тихо говоря, она стала тянуть молодого за рукав, тот неожиданно покорно пошел за ней.

– Наша учительница, – продавщица кивнула на окно, – вот ведь дал Бог сына, и институт закончил, и женат был, правда недолго, а все равно пьет. Он пьет, а мать слезы льет, – продолжила она в рифму.

– Так вы, наверное, и продаете ему.

– А как я могу не продавать, я только наемный работник, хозяйка другая, только и она мало что решает, делает, как ей муж велит. А... Это у вас в Москве жизнь, а тут выживание!

– Так надо бороться с пьянством. Вон с курением борются, а тут будто все нормально, будто от нетрезвого человека польза какая есть? – проговорил вошедший высокий старик и покачал головой.

– Тебе чего, Сергей Михайлович? – и тут же, поглядев на Стаса, она добавила: – Вот парня обслужу и тобой займусь. – Но парень демонстративно повернулся к окну и достал телефон.

– Вы на меня пока внимания не обращайтесь, я еще позвонить должен, – отходя в сторону, ответил Стас, хоть лично к нему никто не обращался. После разговора с Олегом Петровичем он встал в очередь за стариком. Продавщица сперва удивленно взглянула на него, словно спрашивая «чего в конец-то встал?», но потом отвернулась и продолжила слушать покупателя. Тот долго и обстоятельно рассказывал о делах той половины деревни, которая находилась дальше от магазина, через овраг.

– А что про эти убийства у вас говорят? – быстро взглянув на Стаса, спросила продавщица.

– А ничего не говорят, вначале говорили, будто мститель тут объявился, мол, за старый пожар мстит, а как Егора застрелили, так, видать, все решили, своя рубашка ближе к телу, и как воды в рот набрали.

– А Егор тут при чем?

– Так он все болтал, что видел кого-то, когда мужиков у вас поубивали. Вот все и боятся, никому неохота на тот свет раньше времени отправляться.

– Ну, Сергей Михайлович, ты уж скажешь. Егор, может, и видел что, да другие-то не видели, чего им бояться?

– А убийца знает? Видели, не видели, все одно, начнешь болтать, тут тебя и кончат. Только я думаю, того убийцы давно след простыл, нету его в нашей деревне. – Внезапно старик заторопился, покидал в сумку свои покупки и, распрощавшись, поспешил домой.

– Ну, помогла я тебе? – продавщица взглянула на Стаса вопросительно.

– В чем? – парень старательно изобразил на лице удивление.

– Да ладно тебе, все знают, что к архитектору приехал знакомый его сына. А зачем приехал и кто таков? То-то же, сразу стало понятно, не просто так ты сюда появился.

– Вообще-то я конструктор, не полицейский, у меня сейчас отпуск, а денег на поездку к морю маловато. Потом тут Федя часто бывает, а мы с ним дружим.

– Ну-ну, – продавщица неопределенно пожала плечами, явно не изменив своего мнения. – Так чего тебе продать?

Закупив все продиктованное Олегом Петровичем, Стас отправился в обратный путь. Мысли его были заняты услышанным, он не смотрел по сторонам, и совсем не обратил внимания на пристальный и оценивающий взгляд продавщицы, которым она провожала его через открытое окно. Вернувшись, парень рассказал Олегу Петровичу все услышанное в магазине и добавил: – Наверное, я зря приехал, уже все в деревне думают, что я из полиции.

– Да пусть думают, вон про участкового точно знают, откуда он, и что, мешает это ему? Наоборот, пусть думают, так даже легче, не надо ничего сочинять, просто обойдем стороной вопрос о твоей профессии. К тому же ты действительно учишься на юридическом, вроде и обмана тут никакого. Иногда некоторые вещи стоит замалчивать, люди сами придумают твою биографию, а тебе надо многозначительно улыбаться и молчать или отделяться неуверенными обтекаемыми фразами.

– Здорово, я бы не додумался, значит, пусть все считают меня сыщиком, а я благоразумно не стану никого разубеждать.

– Понимаешь, Стас, преступник в любом случае не станет с тобой откровенничать, зато прочие могут оказаться весьма полезными. К тому же твоя принадлежность к правоохранительным органам является дополнительной охранной грамотой для тебя.

– Моя мнимая принадлежность.

– А это уже не важно, главное, чтобы так думали другие. Ты же наверняка слышал, за нападение на сотрудника полиции срок не уменьшается, а даже напротив, увеличивается. «Своих» они не сдают, так пусть все думают, будто ты для полиции свой.

– Пусть, только бы это не помешало.

В тот же день стало ясно, люди напуганы убийством нескольких человек, хоть и стараются этого не показывать. В деревне упорно ходили слухи о маньяке. Участковый Саша аж охрип, стараясь объяснить, что никакого маньяка нет. Конечно, тот, кто является преступником, не совсем психически здоров, но у него похоже, была причина ненавидеть своих жертв, он стрелял не наобум, а в конкретных людей, и каждый из них был в чем-то виноват перед ним.

– Поймем почему – поймем кто, – сказал Саша в разговоре со Стасом и добавил: – Что касается ваших соседей, тут желающих расправиться с ними было много. Я расспросил людей, так, по крайней мере, пятеро человек могут быть причастны. Это родственники тех, кто погиб в том давнем пожаре. Смущают московские убийства, оружие то же самое, что и здесь. Я не знаю тут никого, у кого были бы деньги нанять киллера, если только их не несколько и они не объединились.

– Ты хочешь сказать, скинулись? – заинтересованно спросил Стас.

– Вроде того, ладно, давай подумаем, как ты сможешь помочь, раз уж ради этого взял отпуск на работе.

Павловская Слобода – Москва.

Борис пришел в себя через несколько дней. Теперь он не терял сознания постоянно, а почти все время бодрствовал. Ксения приходила каждый день, на ночь его палату запирали снаружи. Необходимость в ночных дежурствах отпала, и Марго, которая до того периодически подменяла подругу, могла вернуться домой. Анна Ивановна с внучкой пока жили у нее, и для Маргариты это было хорошо. Она скучала по своему внуку, которого увезли на целый месяц на Кубу, сын Слава тоже должен был лететь туда в скором времени. Даша, надо отдать ей должное, звонила довольно часто не только мужу, но и свекрови. Впрочем, даже это не спасало от тоски. Работы пока не было, а делать рутинные дела смертельно не хотелось. Пока не иссякли заказчики, Марго быстро справлялась с домашними делами и садилась работать, а теперь, когда весь день был свободен, она не знала, куда себя деть. Каждый день женщина обещала себе: вот завтра я начну новую жизнь, и каждое следующее утро лениво выходила с собакой гулять. Неторопливо шла к лесу, по которому уже носились лыжники на лыжероллерах или любители утренних пробежек. Глядя на них, увлеченных и оттого радостных, Марго начинала идти быстрее, но потом замедляла шаг и, вздохнув, направлялась к дому.

– Надо с собой что-то делать, так продолжаться не может. Если я не справлюсь со своим состоянием, мне не поможет никто, – решила женщина и, захватив этюдник, направилась во двор. Неожиданно для себя она увлеклась рисованием, а когда на рябину, росшую возле забора, села пара воробьев, Марго и вовсе забыла о времени. Рука легко летала по листу, нанося границы теней, общую форму деревьев, листва которых была прозрачна и сквозь нее просвечивало солнце. Она сперва решила сделать работу акварелью и для этого вернуться в дом, чтобы закончить ее, но на улице было тепло, ветра совсем не было, и Марго удивилась собственному решению доделать работу в доме.

– Стоит на улице остаться, тут, по крайней мере, воздух и солнце. Совсем ты, мать, старая стала, вечно домой тянет, готова сидеть у окна точно старуха! – бормотала она, идя за акварелью и водой в дом.

– Рита! – раздалось от калитки. – Это я.

– Светик, заходи. Ты одна или со своими «оглодедами»?

– Пока одна, но если не возражаешь, через пару дней привезу весь выводок. Как Боря? – Светлана Ивановна тархтела со скоростью пулемета.

– А ты чего такая взвинченная? У тебя все в порядке?

– Прости, мне позвонил Олег, рассказал о том, что там у них в поселке творится. Тебе не велел говорить, но ты же знаешь, от тебя я ничего утаить не могу. Вот и притащилась сама.

– Да я в курсе, случайно услышала разговор двух оперов и поняла, в Борю и в соседей Олега стреляли из одного оружия, пули, во всяком случае ту, что в Борю попала, пока не проверjali, но, кажется, стрелок тот же.

– Как поняла, они что, прямо так и говорили?

– Нет, конечно, но все по времени и месту совпало, оказывается, Борис не единственный, кто пострадал от преступника. Но другие не выжили. Мы даже дежурили около его палаты круглосуточно, боялись, постараются добить.

– Это ты мне говорила, хоть и без подробностей, я вот только в толк не возьму, это маньяк, что ли? Борис просто врач, у него даже клиники своей нет, за что его убивать?

– Света, давай ты в дом пройдешь, а я, наконец, возьму то, за чем шла, что мы с тобой на дороге стоим. Только тише, Анна внучку недавно уложила, тяжело ей с малышкой приходится.

– Конечно, тяжело, возраст никуда не денешь.

– И ты туда же, я борюсь изо всех сил со своей старостью и ленью, а ты еще хочешь мне добавить всяческих сомнений? Не надо, я сегодня с трудом заставила себя пойти рисовать. В последнее время такая апатия навалилась, хоть спи целыми днями, хоть не спи, а все одно, ничего не хочу делать.

– Это потому, что работы у тебя нет и внук сейчас далеко, появится работа, и все нормализуется. Главное, не позволяй себе раскисать и имей в виду, завтра мы идем в Зал им. Чайковского, будем Шуберта слушать. А что касается возраста, так это я не подумав сказала, мы с тобой еще ничего, «в теплом месте к теплой стенке прислонить, так с нами еще очень даже можно... поговорить», – со смехом закончила Света.

– Может, к ним махнем, в смысле к Олегу? Анна с Ксюшей и сами справятся.

– Нет, Рита, думаю, мы им не очень сейчас нужны, Там Стас живет, и потом я хотела к тебе своих внуков привезти, пусть на природе побудут, а то они все по «заграницам» отдыхают, будто дома все уже видели и везде побывали. У нас одна Камчатка чего стоит, слушай, а давай подсоберем денег и на Камчатку съездим. Правда, Ритуль, давай!

– Посмотрим, если по деньгам получится – съездим, или на Байкал, я там ни разу не была. По Европе поехала, по Северной Африке тоже, даже в Латинской Америке побывала, а у нас мало видела. Пока живы и на своих ногах, надо восполнять пробел.

– Решили, откладываем деньги на поездку по стране, а пока дай кофе и, желательно, еще что-нибудь съесть. Утром не позавтракала, а теперь есть хочу.

Почти сразу на кухне появилась Анна Ивановна. Вид у нее был измученный, Света мгновенно устыдилась своего румяного лица и начала усиленно ухаживать за приятельницей.

– Светочка, ты за мной не ухаживай, я сама справлюсь, лучше расскажи, что в мире нового.

– Понятия не имею. – Светлана Ивановна, которая давно не интересовалась новостями и прекрасно обходилась без телевизора, недоуменно уставилась на собеседницу.

– Не пугайся, я знаю о твоей нелюбви к средствам массовой информации, я спросила об общих знакомых, а вовсе не о мире в целом.

Но тут кофемашина возвестила об окончании процесса, и женщины занялись приготовлением завтрака и обеда одновременно, рассудив, что ели они давно, можно и пообедать. Вечером приехала уставшая, но довольная Ксения. Она сообщила, Борис поправляется, угрозы для жизни нет, недели через две его выпишут. Завтра она дома, будет целый день с малышкой.

– Ты, наверное, совсем тут вымоталась? – посмотрев на мать, проговорила Ксения. – Давай-ка ты куда-нибудь сходишь, например в театр.

– Уж лучше пусть с нами идет, завтра будем Шуберта слушать. Думаю, мы сумеем лишний билетик купить. А нет, так она успеет в любой театр добежать, начало концерта в шесть, и главное, это самый центр.

– Спасибо, Света, только я лучше завтра отосплюсь.

– Не выйдет, мам, только если ты в Москву уедешь, сама знаешь, Сонька не даст тебе покоя.

– Все, Аня, завтра я тебя с утра отвезу на электричку, а потом, когда отдохнешь, приедешь назад. – Маргарита для убедительности соорудила серьезное лицо и прихлопнула по столу ладонью. А про себя подумала, что эту привычку переняла у Олега Ямпольского.

– Кончайте хороводы услужливости вокруг друг друга водить, лучше посмотрите на улицу, там такое яркое солнце светит, даже через облака пробивает так, что без очков нельзя смотреть.

– Похоже, днем будет ветрено, во всяком случае, обещали по телевизору, – вздохнула Анна Ивановна, – пойду, накину кофту и с псом прогуляюсь.

– Эй, нас не забудь взять, мы тоже пойдем, а Ксения пусть с дочкой остается, – крикнула из своей комнаты Марго, выходя в общий холл.

Завидово.

С утра Саша поехал к брату в больницу. Он предупредил мать, что будет там и ей вовсе не обязательно каждый день мотаться к сыну.

– Мам, – говорил он перед уходом, – Егору больше ничего не угрожает, теперь надо разобраться с тем, что тогда произошло. Для этого я должен вытрясти из него все воспоминания. И вообще, чем реже ты теперь будешь его навещать, тем лучше.

– Чем лучше? Сашенька, да ведь он тоже мой сыночек, пусть пьющий, пусть дурной, но мой. Не могу я его от сердца оторвать, не могу в больнице оставить без присмотра.

– Давай только без сантиментов, я тоже очень испугался, когда думал, что его убили, но, к счастью, все обошлось. А за тобой могут следить или случайно увидят, как ты в больницу ходишь, сама знаешь, у нас в деревне информация распространяется мгновенно. Один увидел, другие додумают, пойдут разговоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.